

Дергачёва Анастасия, учащаяся;
Гринкевич С.А., учитель

Кровавый калейдоскоп Гражданской войны (гражданская война на ст.Кын, в селе Завод Кын и его окрестностях)

Первые жертвы гражданской войны

Кого из кыновских стариков ни спроси – все знают, что Кыновской завод шесть раз переходил из рук в руки. И места старых окопов покажут, и легенду повторят о том, как прятались красные от белых в пещере... И если восстановить хронологию тех событий помогут документы, то найти живых свидетелей сейчас уже почти невозможно. Как археолог складывает из горсти черепков древнюю вазу, попытаюсь из фрагментов воспоминаний, легенд, документов составить если не цельную картину, то хотя бы мозаику.

За пять дней до падения Екатеринбурга 20 июля 1918г. все красные отряды, действовавшие на Среднем Урале, были объединены в 3-ю армию, костяк которой составляли рабочие дружины. Командующим был назначен Р.И.Берзин, в состав военного совета вошли Р.И.Берзин, И.Т.Смилга, М.М.Лашевич. Политическую работу в армии возглавляли Н.Г.Толмачев, Ф.И.Голощекин, прославившийся подписью на постановлении Екатеринбургского совета о расстреле царской семьи в Ипатьевском доме и великих князей в Алапаевске. Политическая работа – это не политинформации бойцам читать, не листовки мужикам раздавать, не митинги пламенные проводить. Политическая работа, «архиважная», по словам В.И.Ленина, – это практически проводить политику большевиков, то есть подавлять контрреволюционные классы. В народе это называлось: «Комиссарить».

Вцепились красные в узловую станцию Кузино: отсюда две железнодорожные ветки: на Кунгур и на Лысьву. Отчаянно дрались там рабочие отряды с Шайтанских заводов, Ревды, Билимбая под прикрытием сухопутных дредноутов, бронепоездов, на скорую руку построенных на заводах. Вроде нехитрое сооружение: мощный паровоз, одна-две пушечные платформы, три вагона третьего класса, обшитые листовым железом, вместо окон – узкие бойницы оставлены, из которых торчат короткие рыла «максимов», да штабной салон-вагон посередине, а ниоткуда не подступишься. Подтянулся туда и лысьвенский бронепоезд с отрядом красногвардейцев-металлургов, согнали красные на рытье окопов мобилизованных мужиков из окрестных деревень.

Да вот беда: большинство рабочих плохо владели оружием, а о дисциплине и тактической выучке и говорить не стоит. Раздобыли лысьвенские рабочие пулемет «максим», но как с ним обращаться никто не знал. Выехали в поле, вставили ленту и заставили бойца тянуть ее сбоку: «Пробуем, ничего не выходит, гнет патроны. После нескольких неудачных попыток пришла в голову мысль: а может быть, не надо тянуть? Попробовали – и затакал впервые в руках лысьвенских рабочих-красногвардейцев пулемет. Первой удаче радовались как дети». Бывало, и гранаты в неумелых руках взрывались, и при учебных стрельбах своих же товарищей ранили... Но неумелость возмещалась желанием отстоять свою власть: в красногвардейские отряды записывались добровольцы.

Неделю гроыхало под Кузино, и тянулись после каждого боя подводы со скорбным грузом на ближние станции и в деревни, развозя убитых на захоронение в родной землице. И в Кын-Завод привезли убитых сельчан: Василия Ивановича Нечаева и Афанасия Васильевича Дудина, бойцов добровольческой красной дружины. И погибли-то не от пуль – от столкновения поездов под станцией Кузино, уже захваченной чехами. Памятны были эти первые убитые в гражданской войне. Потому и памятны, что первые,

кто от своих же русских погиб. Не ожесточились, не очерствели, мягки и жалостливы были души.

Отпели убиенных в Свято-Троицкой церкви, похоронили под церковью же, где принято было класть лишь самых чтимых людей: служащих завода, учителей да кооператоров. Рядом с могилами братьев Роговых и похоронили, укрыв гробы после отпевания красным флагом, а народу собралось тысячи две. Занозой во многих сердцах стали эти похороны, тем поворотным пунктом, после которого не было уже возврата в мирное время. И встал перед каждым мужиком вопрос: «С кем - с красными или с белыми?» По вечерам раскапывали вчерашние солдаты «захоронки» в голбцах, разворачивали промасленные тряпки, разбирали и протирали от лишней смазки родные трехлинейные винтовки, пересчитывали патроны. Редко кто не привез с войны «винтарь» или наган. Вот и дождалось оружие своего часа. Не довоевав войну империалистическую, придется тянуть лямку гражданской войны: кому три года до Перекопа, кому и все пять, до 1922, до самого Тихого океана. Перепрятали оружие поближе и снова затаились, авось пронесет. Не пронесло!

- Эх, и неохота снова воевать, да от родной избы, от бабы с детишками. Может, отсидимся? Может, пронесет?

А большевики, выполняя декрет ВЦИК от 29 мая 1918 «О принудительном наборе в Рабочее-Крестьянскую Красную Армию», начали массовые мобилизации. Загребали, впрочем, как правило, тех, кто и сам сочувствовал большевикам. Тех, кто был против, - ищи-свищи по непроходимым, не рубленным еще лесам.

Вернулся с войны Артемий Югов георгиевским кавалером. Не успел в семье обогреться, в работу крестьянскую втянуться, как началась красная мобилизация. Ушел в тайгу, в дальнюю охотничью избушку, переждал красных. Пришли белые – слава Богу, вернулся в семью. Началась белая мобилизация - снова в тайгу, на сей раз пережидать белых. Так и бегал от властей всю гражданскую войну, не замарал себя русской кровью.

Венгры-красношапочники против чехов

Пало Кузино. Оборонявшие станцию Великолуцкий и 6-й Тукумский (латышский) полки откатились, не принимая боя, и никто не посмел их задержать - сомнут, или, того хуже, перейдут на сторону белых. Зная о подобных настроениях, чехи засылали к солдатам своих агитаторов, склоняя их к измене. В панике погрузились тукумцы в эшелоны и – подальше от боев, на запад. Западно-Уральская железная дорога осталась без прикрытия вплоть до Лысьвы. Вот когда выдвинулся до станции Утка, и принял там боевое крещение авангард лысьвенских рабочих: 1-я коммунистическая рота в составе 150 штыков под командованием И.Ф.Ярыгина. Внезапным ударом удалось лысьвенцам отогнать чехов и несколько дней удерживать станцию. Но подкрепление не подходило, а противник обошел по тайге красноармейцев, угрожая перерезать железную дорогу. Пришлось отойти к 169 км, а позже – к станции Илим. И только тогда стали подтягиваться к лысьвенцам отряды железнодорожников и рабочие дружины. Рота выросла до батальона. Сюда же из Перми срочно был переброшен отряд интернационалистов в 400 штыков, сформированный Ференцем Мюннихом из бывших военнопленных немцев, венгров, австрийцев.

Тактика белых была проста, но эффективна: зайти в тыл и перерезать железнодорожную линию. Красногвардейцы могли контролировать лишь линию железной дороги и близ лежащие населенные пункты, оставляя без внимания лесные тропы. Одну за другой теряли красные железнодорожные станции: Кузино, Утка, Илим, Унь... Все ближе Лысьва, а за ней – Пермь.

Ударом на деревню Пермьяки белые вышли к Чусовой, открылся новый путь для наступления – вниз по реке на Кыновской завод.

А тем временем по обмелевшей к концу лета Чусовой шли плоты и лодки с остатками разбитых рабочих отрядов из Билимбая и Межевой Утки, другого пути отступления у них не было. И скоротечно сгорали здесь человеческие жизни – уже десятками.

...Причалил плот с красноармейцами к берегу у деревни Деменево: у костра обсушиться, еды раздобыть. Мужики местные угрюмы, бабы неразговорчивы – и воды не подают, кержаки. Ну, картошки раздобыли, пару-тройку курей изловили и в костре испекли, а ночевать в сарае легли, на душистом сене. Навсегда, на веки вечные. Ночью привел местный охотник белых с железной дороги: короткой тропой через гору. Сонных да сытых красноармейцев штыками перекололи без единого выстрела.

А уже через день были в Деменево снова красные, взяли заложников, да не мужиков, те в лес убежали, а баб, и поставили вопрос ребром: кто выдал? Ну, куда тут денешься? Вышел из лесу «охотничек», сознался и получил штык в живот. С тем его и отпустили. Ушел он в свою избу на ватных ногах, зажимая кишки обеими руками, да там и помер на лавке под иконами, бревно зубами изгрыз.

Да, поднимался градус ожесточения, кровушка уже хмелила, но то были еще цветочки.

В первых числах августа вдоль Чусовой спустились белогвардейцы к Кыновскому заводу и после короткого боя захватили его. Остатки красных откатились на станцию Кын, где оборону держал батальон интернационалистов, но и здесь не удалось удержаться.

Пала и станция Кын. Со стороны станции Унь наступление вели чехословацкие роты. Предполагая готовность красных к лобовому удару вдоль железной дороги, чехи совершили обходной маневр: взяв в проводники местных охотников, они тайгой обошли станцию Кын. Лишь в последний момент интернационалисты заметили опасность, но было уже поздно. Ошеломляющим ударом с тыла взяли чехи станцию, красный бронепоезд едва успел откатиться в сторону Лысьвы, а интернационалистам не повезло, не успели они добежать до спасительной брони, попали в окружение. Бой шел несколько часов. Лишь небольшому отряду в 35 бойцов под командованием Ференца Мюнixa удалось прорваться в сторону Лысьвы. Несколько десятков венгров, «красношапочников», как их называли за красные шапки, попали в плен. Заперли их колчаковцы в пакгаузе вместе с местными большевиками и пленными красноармейцами.

В том пакгаузе коротал свою последнюю ночь лысьенский рабочий-большевик Иван Лежанин, правнук француза Лежена. Отправили его из Лысьвы в родной Кын-Завод сколачивать партийную ячейку среди бывших рабочих Строгановского завода. Успел он в лес убежать, а ночью к семье наведывался. Тут, на родном пороге, и взяли его по доносу соседа. Птица важная, на месте кончать не стали, увезли на станцию.

А утречком, после короткого формального допроса, вывели их из пакгауза на насыпь, и комендантский взвод расстрелял все семьдесят человек здесь же, у железной дороги. И венгров, и австрийцев, и местных большевиков, посланцев рабочей Лысьвы. Несколько дней лежали они неубранными в канаве под насыпью.

Так погиб Иван Лежанин, правнук француза Лежена. Не узнал он, что жена с четырьмя детишками успела ночью уйти вниз по Чусовой к родне в деревню Зимняк - за восемь верст по Чусовой. Искали ее белые, но в деревнях все повязаны родством, своих не выдавали.

После гражданской войны, когда ставили в Кыну памятник расстрелянным односельчанам, настояла вдова, чтобы имя мужа было написано здесь, в Кыну-Заводе, а не на станции. Там - кости, здесь – имя.

Красный террор, белый террор...

В августе в Кыновском заводе были расстреляны пленные красноармейцы и депутаты совета на Мерзлой горе и у подножия скалы Гребни. Рассказывают старики, что одному тяжело раненому красноармейцу удалось ночью уйти с расстрельного места в деревню

Долгий Луг, спрятали его в конюшне Лежанины, выхаживали. А сосед, Авдей Арапов, донес белым. Красноармейца расстреляли, а укрывателей пожалели, только пригрозили.

В числе трофеев на станции Кын белым достался бронепоезд, шесть паровозов и несколько вагонов с военным имуществом. Остался там и штабной вагон с документами: приказами, картами, списками личного состава... Попади эти бумаги в руки белой контрразведки – и много крови прольется. В прифронтовой неразберихе восемнадцатилетняя комсомолка Лиза Пылаева, переодевшись крестьянкой, сумела пробраться в вагон, вынести наиболее важные документы, а остальное поджечь. Ей удалось вернуться к своим и передать документы командованию.

А в Лысьве, тем временем, началась эвакуация, большевики готовили к взрыву завод и плотину. Но после жарких споров решено было оставить производство на ходу, так как от него зависела жизнь тысяч рабочих, их жен, детей, а эвакуировать лишь военное имущество. Вот когда произошел разрыв между лысьвенскими большевиками и эсерами. Лидер последних Каменских организовал собрание солдат-фронтовиков, на котором эсеры призывали солдат немедленно захватить Совет рабочих и солдатских депутатов и выгнать оттуда большевиков. Но красногвардейцы Барташев и Лазарев сумели переломить настроение фронтовиков и собрание приняло резолюцию немедленно открыть запись добровольцев. Уже через несколько часов новая рота выстроилась у вокзала, а вскоре выехала на фронт к станции Кын. Эсер Каменских был арестован и по постановлению ЧК расстрелян.

В помощь лысьвенцам прибыли добровольческие рабочие отряды из Бисерского и других ближайших заводов. Отряды красногвардейцев при поддержке бронепоезда выбили чехов со станции Кын. Угроза захвата Лысьвы была отодвинута.

Но этот успех красных был кратковременным, сил для удержания железной дороги не хватало. Пала станция Кормовище, ближайшая к Лысьве, в городе снова объявлена эвакуация. Отряды белочехов приближались к туннелю, летучие казачьи отряды появлялись в окрестностях города. «Во время этого отступления местные белогвардейцы, рассчитывая на скорый приход белочехов, стали открыто готовиться к оказанию помощи интервентам. Они сделали попытку разрушить железнодорожный мост и полотно, чтобы отрезать путь для Красной армии, разоружали отдельных красноармейцев, лишали их семьи продовольственного пайка». Кем же могли быть эти таинственные «местные белогвардейцы», что в их власти было раздавать продовольственные пайки или лишать их? В эпоху военного коммунизма и продовольственной диктатуры подобной властью обладал только Совдеп. Вот где окопались «местные белогвардейцы», и были это, судя по всему, вчерашние союзники большевиков – эсеры.

На Лысьвенский фронт направлялись все новые и новые подкрепления. Из добровольческих отрядов Лысьвенского, Чусовского, Бисерского, Кыновского, Коноваловского, Теплогорского заводов и Косьинских приисков был сформирован 1-й Лысьвенский рабочий полк. Его командиром был назначен рабочий Бисерского завода Иван Петрович Ермаков, фронтовик-разведчик, дослужившийся в германскую войну до фельдфебеля-подпрапорщика. На Лысьвенский фронт в августе прибыли 1-й Сибирский батальон под командованием Путиловского рабочего Ивана Шаронова, Тавдинский отряд, 2-й Екатеринбургский полк, 5-й Уральский Полк, Камышловский и Пермский кавалерийские эскадроны, Вятский отряд, рота Томского полка... Силы противников уравнились, а потом перевес оказался на стороне красных.

Камень, уравнивший, а потом и перевесивший чашу весов – сводный отряд южноуральских рабочих и партизан под командованием Василия Константиновича Блюхера. Десять тысяч бойцов прошли с боями от Златоуста и Миасса до Кунгура, соединившись с изнемогающими частями 3-й армии. Отряд был пополнен и переформирован в 30-ю дивизию, которая до декабря держала Кунгурское направление Восточного фронта. Дивизия по названию, а по военной мощи – девять номерных полков и ряд отдельных частей – корпус! Лысьвенский участок обрел твердый правый фланг. А

слева, со стороны Чусовой, сквозной дороги на Лысьву не было. Пока держится Кушва, оттуда могут угрожать лишь казачьи отряды да конные разведки противника.

14 августа станцию Кормовище вновь заняли силы красных. В Лысьву вернулись эвакуированные советские органы и... началась лихорадочная «чистка» тыла от контрреволюционеров. По приговору военно-полевого суда были расстреляны четверо «главарей местных белогвардейцев»: М.Загуменных, Н.Кобелев, Л.Ладыгин и Зуфрин.

Пиррова победа

А тем временем, на линии Западно-Уральской железной дороги разгорались нешуточные бои. Красные уперлись накрепко, при малейшей возможности контратакуя. В первой половине августа были они объединены в Особую бригаду, командиром которой стал В.К.Рейнхард, а комиссаром – венгерский коммунист Бела Кун. В составе бригады в то время было три бронепоезда.

К концу августа группа Рейнхарда насчитывала 1775 человек при 61 пулемете и 5 пушках.

И чехи дрогнули. Фронт покатился в обратном направлении: Кормовище, Кумыш, Кын, Унь, Утка. 1-й Сибирский полк Шаронова занял Шайтанский завод, завязал бой за Уткинский завод. В переломный момент на помощь подоспел сводный батальон Лысьвенского и Уральского полков, что и решило исход боя. Велики были потери с обеих сторон. В посланном в Лысьву донесении говорилось о 150 убитых и 40 пленных солдатах противника, а ведь они оборонялись. Каковы же должны были быть потери наступающих? Этот кратковременный успех вскоре обернулся серьезным поражением.

Навстречу 1-му Сибирскому полку красных выдвинулись сибирские же полки генерала Пепеляева. В жестоком бою Шаронов был контужен, а его полк разбит. Красные откатились на станцию Илим. Командование поредевшими частями принял Васильев. Не искусенные в тактике красные командиры вовремя не разглядели опасности: их прорыв не был обеспечен с флангов, части Кунгурского направления под командованием Блюхера не поддержали наступление Особой бригады. Воспользовавшись оголенностью далеко выдвинутого вперед правого фланга красных, белые ударили с кунгурского направления на станцию Кын, пытаясь отрезать растянутые на пятьдесят километров вдоль железной дороги передовые отряды Особой бригады.

Вот что писал об этом Иван Петрович Ермаков, один из участников тех событий со стороны красных. «Утром 3 сентября штаб бригады отдал распоряжение – отступить на станцию Унь. Распоряжение обуславливалось тем, что чехословаки и белогвардейцы предприняли крупное концентрическое наступление на Лысьвенский боевой участок: вдоль железной дороги на станцию Кын и вниз по реке Чусовой. Батальон мадьяр под командованием Ференца Мюнниха перебросили в район станции Кын. В направлении села Кашки, по реке Чусовой, штаб бригады отправил роту добровольцев из пленных немцев и вторую Чусовскую роту. Обе они были разгромлены... Белогвардейские отряды, двигавшиеся с Кунгурского направления, были уже недалеко от Кына... в эти дни окончил свое существование 2-й Уральский полк, посланный в деревню Мягкий Кын на смену батальону мадьяр. Полк был предан его командиром».

Сам Бела Кун нагрязнул сюда железной рукой наводить порядок. Усвоил он методу товарища Троцкого: за неисполнение приказа – к стенке. Чудесные результаты давала та метода. Слово Ермакову: «Штаб Особой бригады отдал приказ выбить белых из деревни Песьянки. Я ответил, что сделать этого не могу: красноармейцы вторые сутки сидят без продуктов, боеприпасов, и в свою очередь попросил ускорить доставку того и другого. Бела Кун отдал телеграфное распоряжение – расстрелять меня за невыполнение боевого приказа. Приказ был отдан утром, а к двум часам пополудни поступило продовольствие и боеприпасы. Накормив бойцов и обеспечив их боеприпасами, я приказал идти в наступление. К вечеру чехов выбили из Песьянки. В то же время прибыл в полк и Бела Кун...» Но, все же, красным пришлось отступить.

Обстановка на Лысьвенском участке фронта стремительно менялась в пользу белых. 16 сентября их свежие силы атаковали село Илим. Красноармейцы Васильева оказались в окружении, причем надежды на помощь не было, силы Особой бригады были скованы боями за станцию Кын. После нескольких атак неприятеля оставшиеся в живых бойцы прорвали цепь противника и лесными тропами вышли из окружения. Потери были очень велики: ударные части Особой бригады потерпели под Шайтанским заводом и Илимом даже не разгром – уничтожение.

Тогда же в сентябре, путая ноги в тронутой утренником траве, шла в атаку на деревню Мягкий Кын рота интернационалистов. Растянулись цепью от леса, а когда стали спускаться по пологому угору к речушке, ударил с околицы хорошо замаскированный пулемет. Видно, расчет был отборный, из фронтовиков: как даст строчку – будто к земле пришьет. Залегла цепь в некошеной траве, а пулемет пошевелиться не дает: бьет на любое движение. Молчат убитые, стонут раненные. Имре Габош, захватив несколько гранат, пополз к пулемету. От бугорка к бугорку, от кустика к кусту. Чтобы отвлечь внимание пулеметчика, бойцы открыли частый огонь, высовывали из своих укрытий шапки. Но вот Имре приблизился к пулемету на расстояние броска. Полетела первая граната – недолет! Тогда вторую и третью он бросил с колена. Пулемет замолк. Цепь поднялась в атаку и выбила белых из деревни. Имре Габош этого уже не увидел: последней очередью, в последнюю секунду своей жизни успел вражеский пулеметчик достать его.

На помощь интернационалистам в сентябре на станцию Кын были переброшены 1-й Камышловский и 17-й Петроградский полки 1-й дивизии красных. Участвовал в этих боях рабочий парнишка Пашка Бажов. Выбили Камышловцы белых со станции и погнали дальше – к Уню, Илимю. В Мягком Кыну на сельском кладбище хоронили они своего разведчика Константина Упорова «...Взглянуть на красные похороны пришли кое-кто из жителей. Им интересно было поглядеть: «Как хоронят без попа и кто плакать будет?» Похороны выглядели сурово. Спели «Вы жертвою пали» и опустили в могилу, дав при этом салют».

А старовеера-охотника, который провел белых короткой дорогой, повесили на станции по постановлению ЧК.

Война в чувовских скалах.

Жарко в те недели было в Кыновском заводе. Раз за разом белые атаковали от станции Кын, потчевали красные дорогих гостей из «максимов», пока вода в козюлах не закипит. В одном таком штурме полегла почти полностью рота колчаковцев, лишь семь бойцов осталось от сотни. А как только займут Кыновской завод – жди расправы: каждый раз победители сводили счеты с побежденными.

Красные отряды далеко не уходили: великолепно зная местность и имея многочисленных разведчиков из кыновлян, внезапным ударом в слабое место вышибали белых из завода.

В свою очередь, и красные не миловали пленных, особенно офицеров. Погоны на плечах – пропуск на тот свет... На въезде в Кыновской завод вывели в поле двух молоденьких офицеров, бабы ахали – красивые-то какие... Там и лежат без могилы их кости, присыпанные тонким слоем тощей земли.

Прозвали колчаковцы Кыновской завод «осиным гнездом». Но оборонять Кыновской завод практически в тылу у белых не имело военного смысла. В октябре бои отодвинулись от Кына в сторону Лысьвы.

По Горноблагодатскому тракту отходили малыми группами красногвардейские отряды и рабочие дружины к Чусовой, а за их плечами висела смерть. Ранним сентябрьским утром нагрянули в деревню Копчик белые. Сразу – к реке, к лодкам! На том берегу выскакивали из домишек полуодетые красноармейцы, кто с винтовкой, кто без, и – в лес. Минуту раньше – жив, минуту позже – убит. А лодки с белыми уже на середине плеса, а на берегу

те, кому места в лодках не хватило, кто с колена, а кто и стоя – из трехлинеек – по тикающим красным...

Пулеметная очередь с левого берега, из скального гнезда: первая – с недолетом, фонтанчики по воде, вторая – щепя борта лодок, дырявя плоть. Бросились в воду солдаты, а пулеметчик взял прицел повыше – по тем, кто на том берегу стоял, остудил азарт у охотничков. Смел красный пулеметчик белых с берега, видать, опытен был стрелок, фронтовик, должно. Да и белые не пальцем деланы: конный отряд послали через нижний брод, в тыл пулеметчикам. А когда налетели – шашки наголо – застали у замолкшего пулемета двух бойцов: молоденького совсем и пожилого, он и стрелял, видно. Кончились патроны. Стоят, не бегут. Первого – в штыки, второго – саблей перекрестили...

Многое видели глазницы темных изб, многое помнили вдовы: и детям не говорили, а внучатам, забывшись, рассказывали.

Рейд белых на Коноваловку! Вниз по Чусовой от Кыновского завода по Горноблагодатскому тракту нагрянул казачий полк, зачищая подбрюшье группировки, наступающей на Лысьву. Сходу захватили пристань Верхнюю Ослянку, а следом и Коноваловский завод. Порешили белые местный совет, а был он здесь изрядно пестр: и большевики, и социалисты-революционеры, и анархисты-максималисты. Кто плакал, а кто и радовался их приходу.

Помощь с востока

С падением Нижнего Тагила возникла угроза Лысьве с востока. Бои велись у станции Вяя. Лысьвенский гарнизон получил приказ от командования 3-й Уральской дивизии охранять дорогу на Кусье-Александровский завод и Пашию. Их потеря привела бы к окружению 29-й дивизии красных под Кушвой. Положение становилось все более напряженным.

Обе стороны готовились к новому этапу боев. В октябре к белым подошло подкрепление из Сибири. На позиции Особой бригады красных вел наступление знаменитый колчаковский генерал Пепеляев. Но и Особая бригада значительно пополнилась к этому времени.

На 4 октября 1918 г. в составе бригады числились следующие части:

1-й Лесновско-Выборгский полк, командир Н.П.Захаров, комиссар Щелканов,

1-й Лысьвенский полк, командир И.П.Ермаков, комиссар Богатов,

2-й батальон 1-го Московского коммунистического интернационального полка.

Командир Мюнних Ференц,

1-й Камышловско-Пермский сводный кавалерийский дивизион, командир А.И.Тосков, комиссар Семериков,

1-й сводный артиллерийский дивизион, командир Лоренц,

1-я техническая железнодорожная рота, командир Романов, комиссар Гребнев,

1-я саперная рота особого назначения, командир Разгуляев,

1-й отдельный батальон связи, командир Волегов,

1-й отряд особого назначения, командир Михайлов,

1-й бригадный подвижной лазарет, заведующий Фолькман,

2-й летучий санитарный отряд пролетарского Красного креста, заведующий Четвериков,

Комендантские команды станций Кын – Мякишев, Кумыш – Крауп, Кормовище –

Бобышев, Лысьва – Шибанов, Калино – Горохов, Чусовская – Губанов, штабной поезд – комендант Дрош,

блиндированный поезд с гаубичной площадкой №1, командир Гордеев,

бронированный поезд №2, командир Деменев Иван Никитич,

бронированный поезд №3, командир Васильев.

В ноябре В.К.Рейнхарда отозвали в Москву и командовать бригадой с 15 ноября 1918г. назначили Ж.Ф.Зомберга.

Численность Особой бригады в ноябре, после второго этапа боев, составляла 4479 человек.

Третий этап боев на Лысьвенском фронте грянул в конце октября - начале ноября 1918 года. На помощь Особой бригаде пришли красные полки из-под Кушвы. Их появление было полной неожиданностью для противника. Вот что сообщается об этом в книге «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале»: «В первых числах ноября камышловцы и питерцы, не замеченные противником, прибыли по узкоколейной дороге на Коноваловский завод и неожиданно атаковали его. Довольно сильный белогвардейский гарнизон в составе 2-го Барабинского, 4-го Енисейского и 3-го Барнаульского полков после некоторого замешательства оказал яростное сопротивление. Плотный огонь вражеских пулеметов, бивших по заранее пристрелянным позициям, нанес атакующим большой урон. В Камышловском полку выбыло из строя 150 бойцов и 22 командира. Но к концу дня противник не выдержал сокрушительных штыковых ударов красных войск и в беспорядке отступил к станции Кын. В этом бою советские войска захватили в плен 400 белогвардейских солдат, 12 офицеров и 2-х полковников. Среди большого числа убитых оказался генерал. Не давая противнику закрепиться, Камышловский и 17-й Петроградский полки нанесли следующий удар по станции Кын и после упорного боя освободили ее. Здесь были захвачены огромные трофеи и среди них бронепоезд «Адмирал Колчак», вооруженный мощными пушками иностранного производства. От станции Кын советские войска повели наступление дальше и сходу захватили соседнюю станцию Унь». А после победы, как уж водится, спешили свести счеты. Шлепнули пару-тройку мужиков, у кого не хватило ума радость скрыть при приходе колчаковцев, да под горячую руку расстреляли всех служащих Коноваловского завода, железнодорожной ветки, моста: а форму носят с погонами, значит «контра», золотопогонники! Классовое чутье не проведешь! Рабочие после того кто разбежался, кто с красными ушел. Коноваловскому заводу – амба! Только быки недостроенного моста торчат до сих пор в пойме Чусовой. В Кыну были повешены купцы Устелемов и Ромашов, а с ними – бежавший сюда бывший управляющий Коноваловским заводом Яблонский.

И снова колеса бронепоездов № 1, №2, №3 отстукивают версты Западно-Уральской железной дороги: Унь, Илим, Утка, Шайтанка... И снова бои, прорывы, выходы из внезапных окружений, ремонт разобранных путей, восстановление взорванных мостов.

Героями становились не только бойцы, но и медсестры, рабочие-ремонтники из железнодорожной роты. Екатерина Нельзина, сестра милосердия, под огнем выносила раненых, делала перевязки во время атаки. Это могло означать только одно: она шла в бой вместе с бойцами. Через десять лет Екатерина Ивановна была награждена орденом Красного Знамени за эти бои.

И снова прорыв на Лысьвенском участке, не поддержанный соседями справа, был обречен...

Визит адмирала Колчака

В начале ноября весь мир облетела весть: в Германии – революция, в Австро-Венгрии – революция! Перемирие в Компьенском лесу! Мировая война закончилась!

На осколках Австро-Венгрии возникли революционная Венгерская республика и лояльная Антанте Чехословакия. С этого времени исчезают упоминания об интернационалистах в сводках 3-й армии. Бела Кун, Ф.Мюнних, В.Рейнхард отозваны в Москву, а оттуда срочно направлены в Венгрию – разжигать революцию! Да и у чехословацкого корпуса поубавилось боевого задора: раз война закончилась – пора скорее на родину, пусть русские сами разбираются.

А интернационалисты, и этого не отрицали даже их враги, изрядно добавляли стойкости красным частям. Их отъезд ослабил измотанные боями отряды Особой бригады, красный фронт пошатнулся.

На Пермь вел наступление новоиспеченный генерал-лейтенант Гайда, получивший высокое звание от адмирала Колчака. Войска генерала Пепеляева были подчинены ему.

Предположительно в начале ноября 1918 прибыл на станцию Кын с инспекторской проверкой сам адмирал Колчак. «Мы прибыли на Лысьвенский фронт около 10 часов утра на следующий день, когда обсуждалось наступление на Пермь. Пепеляев - молодой генерал, не более 30 лет, но выглядит настоящим старым солдатом. Мундир его так же грязен и заношен, как у большинства его солдат. Он в полной уверенности, что сможет разбить врага, если его люди будут снабжены оружием и амуницией, которых многие не имеют. Половина его солдат ждут ружья от своих товарищей, которые могут быть убиты или замерзнут в снегу. Разговоры были совершенно деловые, а присутствие адмирала Колчака как бы гальванизировало армию, придавая ей жизнь и энергию...»

Торжественное построение, награждение Георгиевскими крестами отличившихся солдат, вручение офицерских погон боевым юнкерам. По снежной тропе отправился адмирал на передовую, к удаленной на две версты от станции деревне Кержаковке. За время его посещения деревня неоднократно обстреливалась красными со стороны Кыновского завода. А после инспекции, в штабном вагоне, принял Верховный делегацию местных крестьян, и те посетовали на мародерство иностранцев, чехов то есть, «союзничков».

С начала ноября ударили сильные морозы, а в середине месяца стояла тридцатиградусная стужа. Казалось, воевать в таких условиях невозможно. Потери от обморожений порой превышали боевые потери. Но тут-то и играет характер. Перед атакой командиры с той, и комиссары с другой стороны подстегивали бойцов одними и теми же словами: «Или в теплую избу – или в мерзлую землю!» Дрались с решимостью обреченных.

Вскоре Кыновской завод был снова занят колчаковцами. На этот раз репрессии коснулись тех, кто служил большевикам. Для начала повесили на базарной площади двух местных красноармейцев: Ефтея Корюкина и Филиппа Кошкина. На другой день согнали под виселицу с необрушенными телами все взрослое население, отобрали 30 заложников из пожилых и на вид более зажиточных жителей, и объявили, что они будут расстреляны, если не укажут большевистски настроенных сельчан. Выданных тут же начали пороть шомполами, бить прикладами до бесчувствия. А ночью – расстреляли в разных концах села. С особой жестокостью расправились с матросом, состоявшим в сельсовете. «Били его в три плети и прикладами, при обмороках обливали водой, и только потом бесформенную массу расстреляли» (воспоминания Белканова, советского работника). В горячке мести погибли 53 кыновлянина. Подешевела человеческая жизнь.

Во второй половине ноября снова была объявлена эвакуация Лысьвы. Из города уезжали все, кто сотрудничал с большевиками, вывозилось военное имущество. Сам же завод решили не уничтожать, и даже оставили полугодовой запас сырья и материалов, необходимых для мирного производства.

Гибель бронепоезда №2

29-30 ноября колчаковцы, захватив село Матвеевское, начали наступление на деревню Крутой Лог. Пехотные части красных на этом участке были оттеснены и рассеяны, единственной силой, сдерживающей белых, был бронепоезд №2, сражавшийся без пехотного прикрытия.

Броневики №2 был оборудован на Чусовском заводе и вооружен двумя орудиями и двенадцатью пулеметами. Команда состояла из 70 человек: балтийские матросы, железнодорожники Усоля, солдаты из Ленвы. Броневики имел достаточное количество снарядов и патронов. В отсутствие командира Ивана Деменева, командовал бронепоездом балтийский моряк Иван Шерстобитов.

Выход белых на железнодорожную линию привел к окружению двух рот Лесновско-Выборгского полка на станции Кын. Бронепоезд №2 был послан на выручку пехоте. Ему

удалось с боем прорваться на станцию Кумыш и дать возможность окруженным ротам выйти из критического положения. Но на обратном пути бронепоезд попал в ловушку: белые разобрали рельсы, замаскировав повреждение. 1 декабря в 11 часов бронепоезд сошел с путей. Команда не имела связи с красными частями, а значит – не было надежды на помощь. Два дня бронепоезд вел бой с неприятелем, а когда закончились боеприпасы, оставшиеся в живых ночью взорвали бронепоезд и сумели вырваться из ловушки.

Тогда же, 30 ноября, на Кушвинском участке белыми была захвачена станция Выя. Части 29-й дивизии красных начали отступление. Путь на Лысьву и Пермь с востока был открыт.

Трагедия 1-го Кронштадского полка

Вскоре после падения Кыновского завода и станции Кын на фронте 3-й армии произошла еще одна трагедия: в деревнях Верхние и Нижние Исады Кунгурского уезда погиб 1-й Кронштадтский полк. Полк балтийских матросов занял позицию на Гороблагодатском тракте около Кузнецовского завода, в деревне Исады, у Березовой горы препятствуя продвижению белых на Кунгур. Едва половина личного состава поддерживала большевиков, а остальные матросы были настроены анархически. Некоторое время позиции балтийцев на Гороблагодатском тракте прикрывал красный эскадрон под командованием К.К.Рокосовского, будущего маршала.

Колчаковская пропаганда распространяла слухи, что у них солдаты питаются мясом и белым хлебом, а красноармейцы сидят на черном хлебе и рыбе, что к сдающим красным белые никаких репрессий не предпринимают. Уже в Кунгуре среди матросов замечалось колебание, кое-кто заявлял, что уйдет в плен...

13 декабря стоял сильный мороз, доходивший до 35 градусов. Анархизирующие матросы не выполняли приказы командиров: посты и дозоры не выставляли, грелись в избах. Белые же не дремали. В ночную атаку на деревни Верхние и Нижние Исады пошла «рота смерти», состоявшая из «крестовиков», Георгиевских кавалеров. Лишь некоторые из матросов пытались организовать сопротивление. На морозе отказывали пулеметы, и бойцам приходилось отстреливаться из бань. Комиссар полка С.В.Киселев сумел организовать вокруг себя моряков и 372 бойца вырвались из кольца. 800 же разбежалась и попряталась по овинам, подпольям, чердакам. На следующий день матросы вышли, были посчитаны и уведены за околицу. Там их раздели и перекололи штыками, чтобы не тратить патронов. Мертвые тела скидали в две пирамиды. Лишь двое раненных матросов сумели спастись, их спрятали местные жители.

Уцелевшие кронштадцы влились в полк имени Степана Разина и продолжали оборонять Кунгур.

В декабре измотанные и обескровленные полки Особой бригады были переданы в состав 29-й дивизии, и она перестала существовать как воинское соединение. Особая бригада погибла почти целиком.

3 декабря колчаковцы взяли Кушву, 6-го - Бисер, а 9 декабря после арьергардного боя красные оставили Лысьву..

Вскоре пал Кунгур, затем , 25 декабря - Пермь.

Последняя кровь

Летом 1919 дрогнула армия Колчака. Катастрофа под Казанью, разгром под Уфой, оставление Перми... После Перми не могли белые зацепиться до самого Омска. И горе тому, кто не успел в последний поезд. Ногами много не натопаешь.

...Остановился в Кыну-Заводе батальон с долгого марша – грязные, голодные. Командир – в погонах с одним просветом, с ним женщина-красавица в форме. Запала та женщина в память сопливым кыновским детишкам. Ночку только переночевать – и дальше бы – по Гороблагодатскому тракту, на Кушву, Нижний Тагил. А утром, когда тронулись они колонной по тракту, заговорил-затрещал со скалы «максим», высыпала из

лесу цепь красных. Кого из белых не убили в бою – расстреляли после боя. И красавицу ту в офицерской форме. А позже пригнали откуда-то человек двадцать пленных чехов. Когда две собаки промеж собой дерутся, третья – не суйся!

Лет десять назад обещал мне старик один показать, где их расстреляли и зарыли, да не успел, помер.

И героизм, и милосердие, и предательство, и жестокость, и мужество, и трусость – с обеих сторон. Победители-большевики не пожалели потом черной краски на белые мундиры. Пролетело восемьдесят лет и в конце XX века историки стали поливать все той же черной краской только... красные знамена.

Но правда - у Бога! А услышала эту правду поэтесса:

Красным был – белым стал:

Смерть побелила.

Белым был – красным стал:

Кровь обагрила.

Марина Цветаева.

Литература

1. Периодические издания: газета «Искра», газета «Звезда» (публикации разных лет)
2. Журнал «Крот» №1, 1926 г
3. А.А. Корякин «Лысьва» путеводитель по памятным местам города и района., г. Лысьва, 1997 г.
4. Н. Максаров «Лысьва- город исторический», Лысьва ООО «Издательский дом», 1999 г.
5. Н.М. Парфенов «Лысьва» очерки краеведа, г. Лысьва, 1998 г.
6. Г.П. Рычкова «Лысьва», Пермское книжное издательство, 1963 г.
7. Советский энциклопедический словарь. Издание 4-ое. М., «Советская энциклопедия», 1988 г.
8. С.А. Торопов. «Сто путей, сто дорог. П., Пермское книжное издательство, 1972 г.
9. С.А. Торопов. «Дорогами народной славы» (путеводитель туристских маршрутов). Пермь, 1969 г.

Приложение

Устные свидетельства и воспоминания

Старкова Татьяна Ивановна (1901- 1986 г.г.)

(из воспоминаний Гуляевой Зои Ивановны, племянницы Старковой Т.И.)

В 16 лет Татьяна Ивановна ушла сестрой милосердия в Красную Армию и воевала в отряде с интернационалистами под командованием Бела Куна. Прошла всю гражданскую войну, имеет награды. Старкова Т.И из-за ранения так и не вышла замуж. Вместе с русскими в отряде Бела Куна воевали венгры, австрийцы и даже китайцы. Татьяна Ивановна так описывает ст. Кын: в то время она представляла собой железнодорожное полотно с вокзалом. На верхней стороне железной дороги стояло несколько жилых домов казарменного типа, так называемые «жёлтые дома». После того, когда белые в очередной раз захватили станцию, они жестоко расправились с отрядом интернационалистов. Их расстреляли, вся колючая проволока, которой был обнесен пакгауз (склад на станции) была в крови.

Трупы сбрасывали прямо в болотистую местность, заросшую кустарником, рядом с железнодорожным полотном. На месте современного поселка стоял хвойный лес.

Только тогда, когда красноармейцы захватили ст. Кын, они смогли похоронить тела погибших. Таким образом, памятник у дороги - братская могила, которой похоронено около 70 казненных интернационалистов.

Рачев Владимир Васильевич (1900- 1933)

Рачева Александра Федоровна (1902- 1973)

Гражданская война на Урале захватила Владимира Рачева ещё мальчиком. Ежедневно общаясь с разными людьми, он наслышался о событиях, происходящих в стране. Сердце подсказывало, что его место с большевиками. Когда в Кыну сложилась сложная обстановка, он вызвался идти в Серебрянку. Чтобы попасть туда, требовалось пройти горными тропами, перерезанными белогвардейцами, тридцать километров. Как не остерегался связист - разведчик, белогвардейцы схватили его. Допрашивали Владимира в деревне Бабенки. Допрос вел колчаковский поручик. Он расспрашивал пленного, с какой целью тот шёл в серебрянку, о численности и вооружении отряда, о кыновлянах, сочувствующих большевикам. Парень упорно молчал. Разъяренный упорством красного связанного, офицер приказал солдатам «развязать язык» штыками. Шестнадцать штыковых ран нанесли палачи юноше. Но и после этой пытки Рачев не выдал тайны о силах кыновского красноармейского отряда, не назвал имена тех, чьи симпатии были на стороне красных.

- На такого и пули жалко,- взвизгнул взбешенный офицер и приказал прикончить пленного.

Учинив зверскую расправу, белые ушли.

Но семнадцатый удар штыком, к счастью, оказался не смертельным. Очнулся Владимир, когда вокруг него уже никого не было, собрав остатки сил, пополз, оставляя на земле кровавый след.

Встретился Владимиру хороший человек - сельский фельдшер Яков Федорович Дылдин. Положив юношу на телегу со снопами, он привез его в родительский дом, где раненого сына родители спрятали в погребе. Рана в правом боку так и не зажила. В 33 года Рачев умер, оставив жену и 6-х детей.

Родной брат Владимира Василий в это время служил у белых, так в одной семье братья оказались врагами.

Среди жителей были люди, помогавшие красным. Однажды белогвардейцы согнали на площадь весь народ и велели выдать женщину Екатерину Афанасьевну Петрову, которая прятала раненых красноармейцев. Но люди молчали, и тогда белые приказали расстреливать каждого 5-ого человека. Мама оказалась 3-ей, бабушка 4-ой.

Дылдина Людмила Дмитриевна (1897-1971)

Дылдин Алексей Григорьевич (1899-1963)

(Вспоминает Паршакова И.А., дочь)

Наша семья имела добротный, обустроенный дом с несколькими комнатами. В нем останавливались на постой то белые, то красные, т.к. село Кын переходило из рук в руки 7 раз. Ее отца по ложному обвинению повели на расстрел, и только, благодаря вмешательству одного из белых офицеров, квартировавших в доме Дылдиных, смертная казнь была отменена.

На вопрос о том, как население относилось к белым и красным, дочь Паршакова Ираида Алексеевна, со слов матери, вспоминает: «Простые жители села совсем не разбирались в происходящих событиях, их охватывал страх при любых военных действиях, как белых, так и красных. Расстрел мирного населения производили только белые. Однажды белые открыли огонь на поражении в выбежавших из школы учеников, но, к счастью, никто не пострадал, а из-за открытия стрельбы без приказа командира часть рядовых была наказана».

Вспоминает Новикова Маргарита Александровна

« Мой свекор Новиков Алексей Иванович (1895 -1966), житель деревни Грязнуха, рассказывал о расстреле молодого, красивого белого офицера красноармейцами на лесной дороге в месте, называемом жителями деревни Елашка. После ухода красных жители не посмели даже насыпать холмик на месте гибели белогвардейца, почти все жалели, что он погиб таким молодым...

Новиков А.И также помнил гибель трех моряков, которые были повешены у пакгауза на станции Кын белогвардейцами».

Рассказывает Тяпугина Елена Ивановна:

« Моя мама, будучи совсем юной девочкой, в годы гражданской войны жила в деревне Ледянка, что в семи километрах от ст. Кын Лысьвенского района Пермского края. За укрывания красноармейцев белые выстроили все немногочисленное население этой деревни на расстрел. Родители, надеясь, что их дочь пощадят, в последний момент отдали ей все свои сбережения, завернутые в платочек. Однако во время подоспел конный отряд красноармейцев, и мирное население Ледянки было спасено».

Все очевидцы событий отмечают, что отряды красноармейцев были хуже вооружены и одеты по сравнению с белогвардейцами. Имело место случаям, когда красным приходилось забирать у населения продукты питания и лошадей, так как с наступлением осени положение Красной Армии ухудшалось с каждым днем.

Игорь Леонидович Югов

А в гражданскую войну моей бабке было 15 лет, она с 1903 года. Она так говорила: не верь, что белых ругают. Белые, если что у крестьян брали, то всегда платили. Когда белые стояли в Кыну в 1918г, она жила на Долгом Лугу. Заболели у нее зубы, пошла к врачу. На окраине Кына – белая застава. Пропустили ее. Врач, белый в погонах, зуб ей вылечил, а на следующий день – и второй.

А когда пришли красные, то пленных белых офицеров расстреляли на Мерзлой горе: отвели их к полевой меже, что по дороге в Кошкину, и там расстреляли, там и зарыли. Было офицеров четверо.

А в деревне Деменево мужик местный навел белых ночью на красных солдат. Они ночевали в овине. Белые ночью пробрались и штыками покололи красных.

Ужены моей, Татьяны Александровны, дед в мировую войну воевал, вернулся с крестами на груди. Когда началась гражданская война, он не пошел ни к белым, ни к красным, в лес ушел, там всю войну и прятался, жил охотой.

Иван Бобылев, он красный был, большевик, он первый колхоз в Кыну организовал. Бабушка рассказывала: вечно на лошади, вечно злой, вечно пьяный. Но его колхоз развалился, а самого в тюрьму свои же посадили. А через какое-то время выпустили, но колхозом он больше не командовал, председателем стал Нечаев.

Вспоминает Клячина (Лежнева) Тамара Ивановна

Фамилия наша Лёжневы, по преданию, французского происхождения. Был такой пленный француз ле Жен, попал в Россию во время какой-то войны, женился на нашей девушке, отсюда и пошли Лежневы.

В революцию и гражданскую войну мой дед был за красных. Работал он в то время на Лысьвенском заводе, и отправили его большевики в Кын, создавать большевистскую ячейку – в Кыну ведь много было рабочих с бывшего Строгановского завода. А летом 1918г. пришли колчаковцы, и дед ушел в лес, но по ночам иногда в дом наведывался. На Долгом Лугу жил кержак Арапов Авдейка, хозяйство у него было большое, богатое. Он,

говорят, и донес на деда. Тут его и арестовали, увезли на станцию Кын и расстреляли у железнодорожного полотна там, где сейчас памятник. Там не только венгров расстреляли, но и наших, кто был за красных. А бабушка убежала к родне в деревню Зимняк, это в восьми километрах от Кына, там спасалась от белых. Потом, когда колчаковцев прогнали навсегда, она в Кын вернулась, настояла, чтобы имя ее мужа написали на памятнике, который при въезде в Кын, там имя деда, а могила его на станции, под железнодорожным полотном.

Елохова Степанида Лазаревна о репрессированном отце.

Родом я из деревни Ломовки, сейчас ее нет. Место шибко красивое, все вспоминаем, тоскуем мы по ней. Одно плохо: мерзлое место, верхнее. Там даже картошка замерзала часто.

В революцию красные повесили деда на станции. Был он знатным охотником и рыбаком. Приходили вооруженные люди и приказывали вести их прямыми дорогами. А ведь по одежде не разберешь, кого он провел. И отец, зная это, убежал к странникам, в скиты, к накрытым-то. Он леса знал, ведал, где скиты стоят. Уехал к ним на время, а без работы сидеть нельзя, он там лапти плести стал бы, а котачежок не взял с собой. Он домой за котачежом приехал на время коротенькое. Мама рассказывала: сидим мы за столом, обедаем, а тут солдаты явились: веди нас прямой дорогой, заставили его вести. А попробуй откажись – расстреляют на месте. Он их провел, а это оказались белые. Круговой дорогой 27 км, а напрямую 15. Там красные его встретили и повесили. В 1918.

У женщины одной, Ольги, она 22 года рождения, отца Тараса тоже убили: приказали вести прямой дорогой, а потом и застрелили в живот, у него кишки вывалились.

Гуляева Нина Павловна

Я из рода Старковых. Дом наш раньше принадлежал заводскому начальнику, и дед мой купил его за сто пятьдесят золотых рублей. Купчая сохранилась до сих пор. Жил дед богато, имел много лошадей, поля, что в сторону Мишарихи, и в сторону Красавки – нашей семье принадлежали. Он участвовал в первой мировой войне, долго был в немецком плену, а после плена вернулся в Кын. В гражданской войне он, вроде бы не участвовал.

Желонко Нина Николаевна.

Мой дед, Дылдин Иван, а с ним и Шостин, были расстреляны белыми в 1918г., вроде бы летом.

Журнал «Крот» 1923 год Кунгур

Из воспоминаний Белканова: «Перед захватом Кына я сутки до наступления белых был командирован в Кунгур за получением продовольствия для населения. В Кунгур в это время был послан из Кронштадта батальон матросов для посылки на фронт. Наряду с истинными революционными мерами в отряде было много шнурков и малодушных, опозоривших впоследствии почетную революционную репутацию кронштадских матросов. Матросский батальон держался на позициях по Гороблагодатскому тракту в дер. Исадах, Кузнецовский завод, Березовое горе, куда по занятию з-да Кына двинулись чехи. Близко соприкасавшимися с матросами было ясно, что только половина из них здорова, а другая часть может в любой момент за булку и мясо перейти к белым. Кстати, колчаковцы усиленно распространяли слухи, что солдаты у них питаются белым хлебом и мясом, а красноармейцы сидят на пайке черного хлеба и рыбе и что к сдающимся красным белые никаких репрессий (наказаний) не предпринимают. И вот часть матросов еще в Кунгуре говорили, что они уйдут в плен. И ушли..... к праотцам.

С согласия нашего эвакуированного Кыновского исполкома, мне,- вспоминает далее Белканов,- пришлось остаться в расположении белых в районе с. Березовки. Выждав первое время, я двинулся в Кын. Доезжаю до дер. Исады, и мне представилось кошмарная картина: громадная пирамида беспорядочно набросанных друг на друга голых тел. Хозяйка, у которой ночевал, передала, при каких обстоятельствах произошло это. Батальон расположился в их деревне. Стоял сильный мороз, доходивший до 35 градусов. Приказы командиров выходить в дозоры. Секреты и посты не выполнялись. Белые же не дремали. Стала наступать рота «Смерти», состоящая из крестников (Георгиевских кавалеров). Несмотря на внезапное наступление, некоторые из товарищей отбивались до последнего момента, втаскивая пулеметы в бани (т.к. на морозе они отказывали) и оттуда отстреливались. Половина же разбежалась по овинам, подпольям и прочим теплым местам, желая сдаться. На другой день все вышли, были подсчитаны, построены, уведены за околицу и, чтобы не тратить патроны, переколоты штыками. А.В.Колчак, адмирал царского флота, своих бывших матросов не велел брать в плен, а приказывал «отправлять в дальнее плавание».

Подъезжаю ближе к заводу. Встречаю кыновлян. На вопрос: «Что делается?» слышишь односложные ответы: «И не спрашивай», и это говорилось с оглядкой. Сразу было видно, что белые круто со всеми расправились.

Приезжаю в Кын ночью, дабы никто не видел. Первое, что бросается в глаза, это на самом центральном месте у завода виселица с болтающимися на ней двумя веревками. Белые ненавидели завод Кын за его упорное сопротивление, за неоднократные поражения. За то, что при их отступлении кыновляне по ним стреляли из дробовиков, из окон поливали кипятком и т.д. И за это начали мстить.

В день занятия Кына была сооружена виселица и повешены два красноармейца, попавшие в плен. Ими были Ефтей Корюрин и Кошкин Филипп. На другой день все население обоего пола от 16 до 60 лет согнано к виселице, где болтались те снятые красноармейцы и всем предложено было выдать всех большевиков, служащих в совете, в Красной армии, и всех тех, которые сочувствовали революции. В противном случае грозились построить в ряды и каждого десятого расстрелять. Эти угрозы сопровождалась отборными ругательствами и битьем плетью разезжавших вокруг толпы белобандитов. Немедленно было отобрано 30 человек более пожилых граждан и по наружному виду заслуживающих белогвардейского доверия. Они были объявлены заложниками и, если не укажут белым на советские настроенных граждан, то будут расстреляны. После этого началась выдача (заложниками) тех, кто принимал участие в революции и кто не отступил, полагаясь на милость победителей. Достаточно было указать одного и тот отводился в сторону. Отобрав таки образом до 50 человек, белые начали производить на площади перед бывшим правлением порку шомполами и прикладами до бесчувствия. В ту же ночь в разных концах завода, все они были расстреляны. Вот фамилии некоторых из них: Рюмин Петр, Кучумов Егор, Новиков Филипп, Языков Николай, Невалин Петр, Лежанин Константин, Кашин Андрей, Шаврин Иван, Борисов Алексей, Онялов Павел, Постановов Григорий, Глазырин Александр, Носков Всеволод и двое братьев Дылдиных». «Сугубо жестоко,- писал в заключении своих воспоминаний Белканов,- расправляясь с матросами. Одного матроса, деревенского жителя, состоявшего в сельсовете, били в три плети и прикладами, при обмороках обливали холодной водой и только потом бесформенную массу расстреляли».

Иван Петрович Ермаков из книги «В пороховом дыму»

«Утром 3 сентября штаб бригады отдал распоряжение - отступить на станцию Унь. Расположение обуславливалось тем, что чехословаки и белогвардейцы предприняли крупное концентрическое наступление на Лысьвенский боевой участок: вдоль линии железной дороги на станцию Кын вниз по реке Чусовой. Батальон мадьяр (под командованием Ф. Мюнниха, который в то время издания воспоминаний, в 1961 году, был

председателем Совета министров рабоче-крестьянского правительства Венгрии.) перебросили в район станции Кын. В направлении села Кашки, по реке Чусовой, штаб бригады отправил роту добровольцев из пленных немцев и вторую Чусовскую роту. Обе они были разгромлены... белогвардейские отряды, двигавшиеся с Кунгурского направления, были уже невдалеке от Кына. В эти дни окончил свое существование 2-ой Уральский полк, посланный в деревню Мягкий Кын на смену батальону мадьяр. Полк был предан его командиром».

Деже Франсович Хроматко (командир интернационального отряда)
«.. получил приказ немедленно выйти по направлению к Мягкому Кыну и выбить оттуда колчаковцев.

Колчаковцы не жалели патронов. Особенно неистовствовал один пулемет. Да и расчет у него был отборный: как даст очередь - словно строчку на земле прошьет. Залегла наша цепь. Только приподынешь голову или шеvelyнешься - пули тотчас такой плотной стеной пролетят над головой, что невольно опять в землю уткнешься.

Пока я обдумывал положения, Имре Габош, захватив несколько гранат, пополз к пулемету. Он полз, прижимаясь к земле, используя для маскировки не только еле заметные бугорки земли, но каждый кустик травы, уже подсушенной заморозками.

Полз Имре Габош, а наши бойцы, чтобы отвлечь от него внимание колчаковцев, начали высовывать из-за укрытия шапки, одежду, открыли сильный огонь.

Сколько времени полз времени полз товарищ Габош, не знаю, но мне показалось очень долго. Но вот он уже почти рядом с пулеметом. Приподнялся взмахнул рукой, и первая граната взорвалась около пулемета. За ней вторая, третья.

Мы бросились вперед и так ударили на врага, что он опять оставил свои позиции.

Радость победы несколько омрочилось гибелью товарища Имре. Он лежал изрешеченный пулями.

Горевать долго не пришлось: противник бросился в атаку. И с этого момента начались непрерывные бои. Какими яростными они были, можно судить хотя бы по тому, что позиция 9 раз переходила из рук в руки!»

Павел Бажов (воспоминания)

« В Мяком Кыну схоронили убитого Упорого. Взглянуть на красные похороны пришли кой- кто из жителей. И, как они говорили, «интересно было поглядеть, как хоронят без попа, и кто плакать будет, когда одни мужики хоронят». Похороны провели сурово. Спели «Вы жертвою пали» и опустили в могилу, дав при этом салют».

Приказ

По войскам 3-й армии Восточного фронта

Г.Пермь № 503 7 дек. 1918 года

Объявляю нижеследующий героический подвиг балтийских моряков команды бронепоезда № 2.

Получив приказание 30 ноября упорно удерживать линию железной дороги в районе Крутого Лога, что в восьми верстах западнее ст. Кумыш, команда броневика доблестно и самоотверженно выполнило задачу, оставаясь все время без пехотного прикрытия, будучи окружена многочисленным врагом- около двух тысяч, героически отбиваясь от наседавшего противника.

Получив сведения о фланговом окружении двух рот Лесновско-Выборгского полка в районе ст. Кумыш, броневик, пробив дорогу и нанеся тяжелую потерю врагу и дезорганизовав его, дав возможность вышеозначенным ротам выйти из критического положения.

Но, отступая, противник разорвал пути, замаскировал повреждения, и броневик, ринувшись в погоню за отступавшими, сошел с рельсов. Это случилось около 11 часов 1 декабря. Верные сыны революции- герои Красной Балтики – продолжали столь же доблестно отбиваться от неоднократно переходивших в атаку превосходящих сил противника...

... Преклонитесь же все, как преклоняюсь и я , перед павшими в этом бою, ибо их подвиг – прекрасное безумство и великая жертва, принесенная на алтарь трудового народа.

Только жертвуя всем, можно получить все.

Вечная память павшим в неравном бою!

Вечная слава живым!

Воспоминания чехов

Станция Кын. 7 августа 1918 года

Невероятны иной раз повороты судьбы. Кого только не привела она в 1917-19 годах на пермскую землю. Побывали здесь великий князь Михаил Романов, военнопленный Иосип Броз (Тито), комиссар Особой бригады Бела Кун, Верховный правитель России Александр Колчак, командующий Сибирской армией Радола Гайда (Рудольф Гейдель), бывший офицер императорской армии Владимир Каппель, краском Василий Соколовский, комдив Василий Блюхер, комэск Константин Рокоссовский и...

«Брату адъютанту. Станция Унь. 6 августа.

Прошу доложить брату полковнику: я говорил с командиром транспорта из Дружинино, взятым в плен большевиками, а потом отпущенным. Он нам передал: если бы их [латышей] окружили у станции Кын, то они бы перешли на нашу сторону, чтобы вместе воевать против германцев. Условные знаки – красные флаги на площадках вагонов. Здесь действует остаток 6-го латышского Тукумского полка – 500 человек (450 штыков) во главе с товарищем Фридрихсоном [6-ой латышский Торошинский (Тукумский) полк был 17 июля разгромлен этим же отрядом чехословацкого легиона у станции Арасланово – прим. моё]... Биться за советскую власть они уже не хотят. У них есть врач, который имеет фабрику в Риге, этот даже хочет, когда они будут уезжать из Кына, остаться на станции. В трёх эшелонах у них 500 латышей, два орудия и 28 пулемётов. Чужой им элемент – русские красноармейцы, которых в Кыне 25... Сведений о броневике [имеется ввиду бронепоезд – прим. моё] не имеет. Броневик под командованием товарища Якулова стоит на 121-й версте, и перед ним повреждён мост. На станции Унь у большевиков была большая паника, быстро подавленная. В Калино стоит вагон динамита для Лысьвенского туннеля. На сегодня по неподтверждённым данным на станции Кын стоят 6 эшелонов. Мы на станции Унь, где исправляем стрелки и разобранный колею. Телеграфное и телефонное имущество увезено. Между Унью и Кыном разрушены три моста. Было бы желательно, чтобы брат полковник выдвинул для взятия Кына больше сил...».

Такое донесение составил командир 3-ей ударной роты 1-го отдельного ударного батальона штабс-капитан Милош Жак. Адресовано оно было командующему Екатеринбургской группой чехословацких войск командиру 3-го стрелкового Яна Жижки полка полковнику Сергею Войцеховскому. Полк в составе трёх батальонов, приданной ему ударной роты, казаков и двух бронепоездов уже третий день наступал вдоль Западноуральской ветки железной дороги в общем направлении на узловую станцию

Калино. Захват Калино отрезал основную группировку формирующейся 3-ей армии красных от её тылов и открывал дорогу на Пермь.

Чехословацкие ударники. В дверях штабс-капитан М.Жак.

В свете этой записки захват станции Кын и Кын-завода, через которые проходили дороги на Кунгур, Чусовой и Кушву, представлялся делом не особенно сложным, почти все предшествующие бои чехословаков с красными проходили удачно, потери были невелики. Схема боёв тоже была стандартной. Двигаясь вдоль железной дороги, легионеры совершали обходные манёвры на окружение, которые почти всегда удавались. На этот раз можно было рассчитывать на то, что сопротивления не будет вовсе. Но этим надеждам не суждено было сбыться, исправивший пути авангард в районе 80-ой версты железной дороги наткнулся на красный бронепоезд. Стало ясно, что предстоит серьёзный бой.

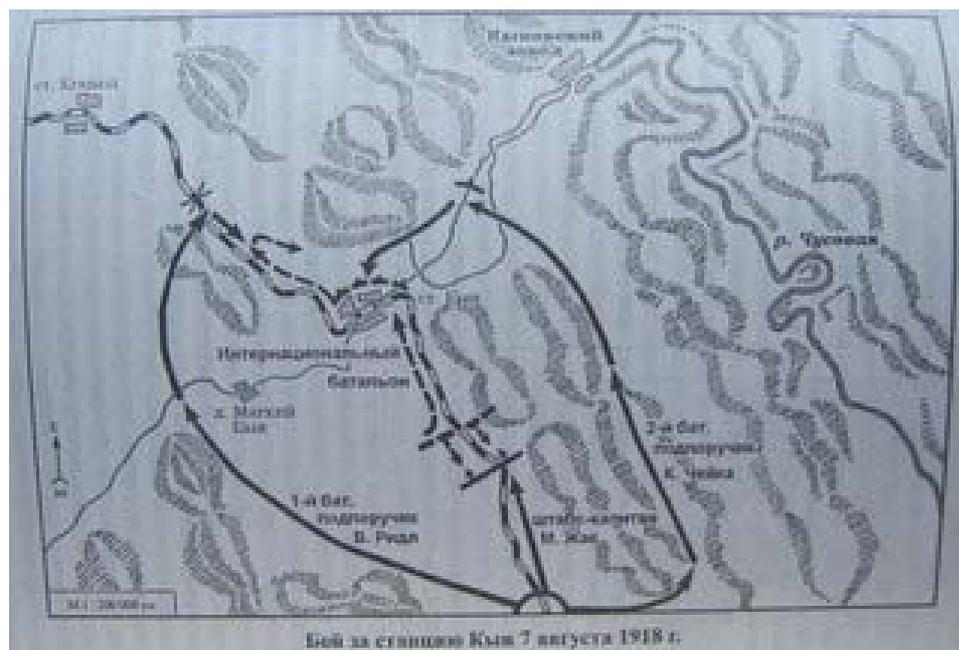
В ночь с 6-го на 7-ое августа главные силы отряда сосредоточились на станции Унь. С.Войцеховский разослал командирам диспозицию для наступления. Он решил действовать по старой схеме: удар в лоб в сочетании с охватывающими ударами слева и справа. На левом фланге колонна подпоручика В.Ридла в составе 1-го батальона 3-го стрелкового Яна Жижки полка, пулемётной полуроты и казачьего взвода должна была обойти станцию и выйти в тыл красным в районе 70-ой версты железной дороги. Справа наступали три роты 2-го батальона, другая половина пулемётной роты и команда конной разведки во главе с подпоручиком К.Чейки. В лоб предстояло ударить двум бронепоездам, двум ротам (ударной и стрелковой) и учебной команде во главе со штабс-капитаном М.Жаком. В резерве полковник оставил весь 3-ий батальон, команду пешей разведки и артиллерийскую батарею.

Красный бронепоезд был далеко не последней неприятной неожиданностью для чехословаков. Ночью в тылу полка случилось ЧП. На 87-ой версте штабной эшелон врезался в казачий поезд. Несколько вагонов разбились, были жертвы. Тяжёлое ранение получил командир учебной команды прапорщик Я.Коубек. Как выяснилось, это был не несчастный случай, а диверсия. Машинист локомотива штабного эшелона сочувствовал красным. Учебную команду пришлось оставить на месте для расчистки путей, а в колонну штабс-капитана М.Жака направить команду траншейных орудий.

Чехословацкие легионеры на ремонте железнодорожных путей

В 7.00 7 августа левая колонна начала движение, правая двинулась в 8.00, средняя – в 9 часов. Стрелки средней колонны шли по лесистым склонам гор, по путям полз бронепоезд. На 78-ой версте к ним присоединились пешие разведчики и команда траншейных орудий. Вскоре дозор наткнулся на красных и сначала ударники слева, а затем и стрелки справа ввязались в бой. Красноармейцы наступали, с их стороны слышались команды: «Товарищи, vorwärts!»! Как выяснилось, противником были злейшие враги чехов – немцы и венгры из Интернационального батальона особого назначения товарища Михина. Интернационалисты действовали умело и охватывали легионеров с флангов. Примерно до 15.00 чехи держались, но вскоре вынуждены были отступить и запросить подкреплений. К ним были высланы две роты из резерва, натиск красных был остановлен. Штабс-капитан М.Жак и его подчинённые с нетерпением ждали, когда в тыл и во фланг красным выдут их товарищи из охватывающих колонн.

Тем временем, по склонам заросших лесом гор правая колонна с большим трудом двигалась к назначенному пункту. Стрелкам пришлось нелегко, время от времени с лошадей приходилось снимать тяжёлые пулемёты и нести их на себе. Около 15.00 в районе деревни Ледянка колонна выбралась на тракт, который шёл в направлении станции от Кумь - авода. Первым делом перерезали телефонную связь между станцией и заводом. Потом подпоручик К. Чейка оставил на дороге половину 6-ой роты во главе с прапорщиком Кнетлом для прикрытия тыла колонны. Остальные стали готовиться к атаке на станцию.

Было слышно, что на юге уже идёт бой и примерно в 18 часов правая колонна начала развёртываться в боевые порядки. Вперёд был выслан дозор, который случайно обнаружил себя, наткнувшись в лесу на железнодорожника. Рабочий побежал на станцию, дозорные начали стрелять по нему. На станции, подавая тревогу, загудели паровозы. Красные выслали вперёд разведку, что уже говорило о том, что перед чехами серьёзный противник, а не какой-нибудь добровольческий рабочий отряд или полуразвалившаяся часть старой армии, привлечённая на службу пайками. Завязалась перестрелка, К.Чейка двинул роты в атаку. Но местность не позволила в боевом порядке подойти к станции, стрелки оторвались друг от друга, пришлось их собирать и формировать цепи заново. Красноармейцы, обедавшие в эшелонах, успели выскочить, заняли позиции за станционными домами и укрепились на вершине возле станции. Чехи, начавшие вновь готовиться к атаке, оказались под сильным пулемётным огнём. Но легионеры сумели оправиться от неожиданности и с потерями начали продвигаться к зданию станции. Вскоре они захватили механическую мастерскую. С другого конца станции показался красный бронепоезд, который из-за тесноты на путях вынужден был толкать перед собой эшелон, частично заполненный красноармейцами. Чехи попытались устроить аварию, положив на пути несколько шпал, но схода не произошло, и они только бросили гранаты в бронепоезд и обстреляли эшелон. Бронепоезд отошёл на удобную позицию и несколько раз удачно ударил по чехословацким цепям картечью, после чего отступил в сторону станции Кумыш. Останься он на позиции, неизвестно как бы сложился бой.

Ободрённые тем, что красные остались без артиллерийского прикрытия, легионеры стали продвигаться от механической мастерской в сторону стоявших на путях эшелонов. Две роты чехов выбили красных с высоты, и они начали отступать к поездам, где их встретила рота, шедшая от мастерских. Красноармейцы оказались под огнём сразу с

нескольких сторон, большая часть из них была перебита, оставшиеся укрылись в лесу. Чехи заняли вокзал. Вскоре прискакал конный дозор из колонны штабс-капитана М.Жака. А около 21.00 подошли и её цепи. С ними прибыл полковник С.Войцеховский. На северо-западе ещё стреляли, это отступающие красные вели бой с левой колонной.

Отряд В.Ридла должен был выйти красным в тыл и перерезать железнодорожные пути. Не раньше, чем в 19 часов он выбрался на железную дорогу в районе 70-ой версты. Позади и справа уже несколько часов, как слышалась стрельба. Развернув цепи, чехословаки двинулись на юг, к станции Кын. Одна из групп разобрала пути. Легионеры прошли не больше версты, когда у них в тылу послышался шум поезда, который нёсся на всех парах со стороны станции Кумыш на помощь батальону Миниха. Не заметив повреждения, на полном ходу состав сошёл с рельс. Паровоз самопроизвольно загудел и этим предупредил ещё один поезд, шедший следом. Чехи немедленно атаковали разбившийся состав, в котором транспортировали кавалерийскую сотню. Лишь немногим конникам удалось уйти, большая часть была перебита. Пока 3-ья рота 1-го батальона занималась повреждённым поездом и прикрывала тылы, остальные легионеры в боевом порядке двигались дальше. Один из стрелков так вспоминал этот момент:

«Трава здесь была ещё выше, глубокие ямы, куда мы падали, были полны воды, которую, мучимые жаждой, мы пили. Мы все были обожжены крапивой, и поэтому получили приказ ротного, чтобы двое вышли на насыпь, откуда было лучше видно. Я пошёл туда с братом Чигаком. Шли мы не долго и увидели приближающихся несколько человек. Прислушиваемся и понимаем, что это мадьяры. Мобилизую все свои знания этого языка, а до лета я немного его изучал, и кричу им, чтобы подходили. Они приостановились, а один, спрятавшись за кусты, начал по нам стрелять. Мы залегли на насыпи и стали отвечать на стрельбу. Когда мадьяр заряжал, мне удалось спокойно прицелиться и попасть ему в грудь, за которую он схватился. Перевернулся. Его приятели побежали назад, а мы пошли вперёд быстрее. Подошли к реке с железным мостом. Подходящий группами неприятель, хотя и неохотно, но ружья всё же снимал и шёл в наш тыл, где собирали всех пленных».

Бронепоезд, который вышел из боя с колонной К.Чейки уткнулся в разобранные чехами пути, им занялась 2-ая рота 1-го батальона. Остальные с пленными двинулись к вокзалу, куда прибыли приблизительно к 23 часам.

С.Войцеховский в рапорте доносил командованию о том, что противник насчитывал около 700 человек с тремя орудиями, 28 пулемётами и бронепоездом. Интернациональный батальон разбит, почти все немцы и мадьяры – несколько сот человек – убиты, захвачены 2 эшелона, пять неповреждённых паровозов, бронепоезд, три орудия, бомбомёт, пулемёты. Дорога на Лысьву открыта.

Стрелок Ржегоунок, оставивший воспоминания об этом бое, был менее скромн: «Мадьяры повесили одного нашего раненого, который попался им в руки при первой атаке, и наши не щадили никого. Всего здесь осталось почти 800 мёртвых, главным образом, мадьяр и немцев. У нас всего 21 человек убит и 50 ранено во всём полку».

Журнал боевых действий 3-ей Красной армии подтверждает, что потери красных были тяжёлыми:

«...наши части от Кына отошли на станцию Новая Лысьва; доблестно сражавшийся батальон интернационалистов тов. Михина окружён и уничтожен, прорвавшиеся 35 человек этого батальона прибыли на станцию Лысьва; с погибшим отрядом остался в руках противника бронепоезд и шесть паровозов. 6-ой Тукумский полк, донеся, что

противник идёт в наступление на Кормовище, самовольно ушёл в Лысьву, не желая сражаться, объясняя это недоверием к штабу данного направления и отсутствием резервов
в тылу

Простое сопоставление донесения М.Жака от 6 августа, рапорта С.Войцеховского и записей в журнале боевых действий 3-ей армии позволяет выяснить, каковы же были действительные потери красных. В 3-ей армии Западноуральское направление прикрывали 5 частей: Великолуцкий батальон (около 250 человек), Торошинский (Тукумский) полк (около 500 человек), 1-ый Лысьвенский полк (предположительно 700 человек), 2-ой Екатеринбургский полк, и Интернациональный батальон особого назначения. Общая численность группировки составляла около 2 тысяч штыков. Т.е. без Тукумского полка и Великолуцкого батальона, которые самовольно оставили позиции, – около 1300 человек. На станции Кын находились интернационалисты, латыши и небольшая группа русских красноармейцев. Т.о., даже при самых оптимистичных подсчётах число интернационалистов на станции Кын 7 августа вместе с 25 русскими красноармейцами вряд ли превышало 400 человек. Если же верить донесению С.Войцеховского об общем количестве красных, то интернационалистов должно было быть ещё меньше – около 200 человек, ведь Тукумский полк не принял боя. Другими словами, красноармейцы товарища Михина сражались один на один с хорошо вооружённым, прекрасно организованным и серьёзно превосходящим их численно противником. Взаимоотношения между чехословаками с одной стороны и немецкими (австрийскими) и венгерскими интернационалистами с другой были предельно враждебными, в бою между собой обе стороны пленных обычно не брали. Так что, те пленные, которых всё же довели до станции, скорее всего, были русскими, а значит, их было совсем не много. Отсюда потери красных убитыми, ранеными и пленными составили от 165 до 365 человек, с учётом того, что большинство мадьяр и немцев, вероятно, были расстреляны, а не погибли в бою.

Чем же так знаменателен этот бой? Не только тем, что чехословаки здесь встретили серьёзное сопротивление. Ещё 22 июля под Сысертью им стало понятно, что красные вовсе не так уж слабы, как им сначала казалось. И не тем, что благодаря ему, чехи снизили темп наступления и не дошли до станции Калино 50 вёрст. Что позволило красным продолжить переброску сил и боеприпасов частям, начавшим глубоко в чешском тылу контрудар под Екатеринбургом – красивый, но плохо подготовленный манёвр, на полгода отложивший взятие Перми белыми. И даже не тем, что в этом маленьком, но ожесточённом сражении российской гражданской войны на одной стороне были в основном венгры и немцы, а на другой преимущественно чехи и словаки. Этот бой интересен тем, что в ходе него, возможно, стреляли друг в друга будущие лидеры двух будущих стран: Ференц Мюнних (товарищ Михин) и младший командир (на тот момент, вероятно, сержант и командир взвода) 2-го батальона 3-го Яна Жижки полка Людвиг Свобода.

Лейтенант 85-го пехотного полка австро-венгерской армии Ференц Мюнних

За время Гражданской войны на станции Кын власть менялась 7 раз. Ференц Мюнних сражался в районе Кына и Лысьвы в составе Особой интернациональной бригады до ноября 1918 года. С окончанием Великой войны, он вернулся в Венгрию и стал одним из основателей Коммунистической партии Венгрии. В период существования Венгерской Советской Республики 1919 года он создавал венгерскую Красную армию. В 1936-39 годах Мюнних опять оказался на войне, на этот раз в Испании. Под именем Отто Флаттера он был комиссаром 13-ой интербригады (по другим данным командиром 11-ой). В Великую Отечественную войну он в рядах РККА принимал участие в Сталинградской битве. Вершиной его жизненных успехов стала должность Председателя Совета Министров Венгерской народной республики, которую он занял в январе 1958 года.

Председатель Совета Министров ВНР Ференц Мюнних

Кавалер Георгиевских крестов 3-ей и 4-ой степени сержант Людвиг Свобода, как и многие чехословаки (он был словаком), быстро рос по службе. В конце 1918 года он стал адъютантом М.Дитерихса, а к 1919-му дослужился до капитана.

Л.Свобода, М.Дитерихс, Я.Сыровы. 1918 год

Капитан Людвиг Свобода. Довоенная Чехословакия

В 1943 году Л.Свобода опять оказался на Урале, под Бузулуком, где будучи подполковником формировал чехословацкий батальон, чтобы опять воевать с немцами. В 1945-ом уже генерал-полковник Л.Свобода со своим корпусом входил в Братиславу и Прагу, а после мрачного августа 1968-го стал президентом ЧССР.

Людвиг Свобода. Середина 1940-ых годов

Ф.Мюнних и Л.Свобода не раз встречались в послевоенное время, может быть, они пересекались и в середине 40-ых. Интересно, случалось ли им беседовать с глазу на глаз и вспоминать этот бой за станцию Кын, когда один из них мог убить другого?

Действующие лица

Белобородов Александр

Сын рабочего. С 1905 работал электриком. В 1907 вступил в РСДРП, большевик. В 1917 член Уральского комитета РСДРП. В янв. 1918 - янв. 1919 пред. Уральского облизполкома и член Уралобкома РКП(б). В июле 1918, после консультаций с Москвой, по приказу В.И. Ленина и Я.М. Свердлова подписал приказ о расстреле императора Николая II и его семьи. Одновременно приказал уничтожить в Алапаевске еще ряд членов Императорской фамилии. Учитывая, что высшее руководство большевиков из-за соображений международной политики отказалось признать свой приказ о бессудном уничтожении царской семьи, Белобородову пришлось взять ответственность на себя. Подобная версия о личной ответственности Белобородова и членов Уралсовета (и тем самым "обеления" Ленина-Свердлова) оставалась в ходу в советской историографии вплоть до конца 1980-х гг. В февр.-марте 1919 пред. Вятского губисполкома. 25.3.1919 - 29.03.1920 член Оргбюро ЦК РКП(б). С апр. 1919 уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны по подавлению казачьего восстания в станице Вешенской. Один из инициаторов принятия законов по расказачиванию. Отличался большой жестокостью, применяя репрессии не только против восставших казаков, но и против членов их семей, родственников, станичников и просто казаков. С июля 1919 зам. нач. Политуправления Реввоенсовета Республики, затем в составе Реввоенсоветов армий и фронтов. Входил в состав Кавказского бюро ЦК РКП(б). С марта 1921 пред. Краевого экономического совета Юго-Востока. В 1919-20 член ЦК, в 1920-21 кандидат в члены ЦК. В октябре 1921 - июне 1923 зам. наркома, в 1923-27 нарком внутренних дел РСФСР. В середине 1920-х гг., когда началась борьба за власть между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким, примкнул к последнему. В нояб. 1927 исключен из партии и отправлен в ссылку. Когда стало окончательно ясно поражение троцкистов, Белобородов "признал ошибки", был в мае 1930 восстановлен в ВКП(б) и получил должность в системе Комитета заготовок СССР, затем уполномоченный Наркомата внутренней торговли СССР. 15.08.1936 арестован. в 08.02.1938 приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1958 реабилитирован, а в 1962 восстановлен в партии.

Блюхер Василий Константинович

Карьера

В 1922—1924 — комендант и военный комиссар Петроградского укрепрайона.

В 1924—1927 годах Блюхер был главным военным советником в Китае, пользовался псевдонимом «Га Лин» (в честь жены Галины). В 1927—1929 годах служил помощником командующего Украинским военным округом. В 1929 году был назначен командующим Особой Дальневосточной армией.

В июле 1938 во время боевых действий у озера Хасан в результате допущенных ошибок советские войска понесли большие потери и смогли добиться успеха лишь к 10 августа. Главный военный совет (К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, В. М. Молотов, И. В. Сталин и другие) отметил, что у озера Хасан выявились «огромные недостатки в состоянии Дальневосточного фронта». Они действительно имелись из-за непрерывных «чисток» армии. Блюхера среди прочего обвинили в том, что он «не сумел или не захотел по-настоящему реализовать очищение фронта от врагов народа».

Репрессии в армии: участник и жертва

Сталин включил Блюхера в состав Специального судебного присутствия, осудившего на смерть группу высших советских военачальников по «Делу Тухачевского» (июнь 1937). Через год в ходе последовавших за этим делом репрессий в РККА был арестован и сам Блюхер. В тюрьме к нему применялись пытки и избиения. 9 ноября 1938, находясь под следствием, В. К. Блюхер умер в Лефортовской тюрьме. По заключению судмедэкспертизы, смерть маршала наступила от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза; у Блюхера был вырван глаз. 10 марта 1939 уже посмертно задним числом приговорён к смертной казни за «шпионаж в пользу Японии», «участие в антисоветской организации правых и в военном заговоре». Блюхер был женат трижды. Его две первые жены — Галина Покровская и Галина Кольчугина, а также брат капитан Павел Блюхер и жена Павла были расстреляны. Третья жена Блюхера, Глафира Лукинична Безверхова, приговорена к 8 годам ИТЛ. Реабилитирован после XX съезда КПСС в 1956 году. Тогда же реабилитированы и оставшиеся в живых члены его семьи.

Разное

Именем Блюхера названы улицы в Омске, Охе, Новосибирске, Екатеринбурге,

Челябинске, Уфе, Иркутске, Санкт-Петербурге, Самаре, Севастополе, Кривом Роге и Харькове.

Главным виновником этих "крупнейших недочетов" в первую очередь был назван командующий ДКФ маршал Василий Блюхер, по мнению наркома обороны, окруживший себя "врагами народа". Прославленный герой был обвинен в "пораженчестве, двуличии, недисциплинированности и саботировании вооруженного отпора японским войскам". Оставив Василия Константиновича в распоряжении Главного военного совета РККА, его вместе с семьей отправили в отпуск на Ворошиловскую дачу "Бочаров ручей" в Сочи. Там его с женой и братом и арестовали. Спустя три недели после своего ареста Василий Блюхер умер

Радиола Гайда

Военный фельдшер австро-венгерской армии, присвоивший затем себе офицерское звание (прапорщик). Перешел 30 октября 1914 г. на сторону черногорских войск, выдавал в плену себя за капитана, вступил в ряды черногорских войск. Прорезал путь отступления черногорских войск к морю через Албанию, сохранив боевой дух. Проехал в Петроград с санитарным поездом, выдавая себя за русского врача. Зачислен в сербскую дивизию с русским командованием, вернулся с ней на фронт. После сентября 1916 г. переведен младшим офицером во 2-й чехословацкий полк, вскоре стал командиром роты, потом – батальона. На Украине вступил в создаваемые там чехословацкие легионы, с весны 1917 г., после боя у Зборова, где Гайда проявил личное мужество и героизм, награжден за это офицерским Георгиевским крестом 4-й степени, получил командование 7-м полком Чехословацкого корпуса. Присутствовал 20 мая 1918 г. на Съезде делегатов всех частей корпуса в Челябинске, где был выбран в Военный Совет для координации действий разрозненных групп корпуса и установления связи с местными антибольшевистскими группами. Находясь в составе Чехословацкого корпуса, в ночь на 25 мая 1918 г. первым в Чехословацком корпусе, в чине капитана, поднял успешное восстание в Новониколаевске, окружив и арестовав местный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Достиг крупных успехов и совершил головокружительную карьеру, став одним из виднейших военачальников. Командующий войсками одной из частей Сибирской группировки Чехословацкого корпуса (4500 человек). Его войска участвовали в Марьяновских боях 24 – 28 мая 1918 г. под Омском, во время которых большевикам было нанесено серьезное поражение, предотвратившее падение Омска, взятого его войсками 7

июня 1918 г. Его силы 10 июня 1918 г. соединились в Омске с Челябинской группировкой Чехословацкого корпуса, а 11 июля 1918 г. – встретились под Иркутском с Забайкальской группой Сибирской группировки Дитерихса. Сыграл заметную роль в захвате Транссибирской магистрали в июне - июле 1918 г. и способствовал установлению в Омске власти Западно-Сибирского Комиссариата. Разыграв свое отступление под Иркутском в июле – августе 1918 г., заманил превосходящие силы красных в засаду и разгромил их. Занял жизненно важные для белых Кругобайкальские тоннели, сохранил их нетронутыми, предотвратив уничтожение. Совершил быстрый маневр через Байкал, нанеся сокрушительный удар по большевикам в их тыл. 7 августа 1918 г., вместе с войсками Пепеляева разгромил крупный красный отряд на Прибайкальском фронте. Это событие вошло в историю под названием "катастрофа под Посольской". За победы в Восточной Сибири получил чин полковника, затем – генерал-майора. Сблизился с эсерами, примкнул к сторонникам Сибирской Областной Думы. В августе 1918 г. приказал Семенову и Хорвату явиться к нему, угрожая за невыполнение военно-полевым судом. Хорват выполнил его приказ, Семенов – нет, настояв на отзыве Гайды с поста командующего Сибирской армией, Вологодский обещал заменить его А. Пепеляевым. А. Пепеляев стал между Гайдой и Семеновым посредником в их замирении. Гайда пригласил Семенова и Пепеляева на обед, на который они явились. Семенов пригласил на ответный обед Гайду, на котором они устранили недоразумение между ними. Во многом это было из-за подхода к Семенову японской кавалерии. Гайда отрицал свою причастность к приказу, вызвавшему конфликт. Неудачно добивался в августе - сентябре 1918 г. своего назначения главнокомандующим антибольшевистскими войсками в Сибири. Его в этом поддерживала часть министров, надеявшихся через назначение Гайды вместо Иванова-Ринова получить поддержку США. В сентябре 1918 г. – генерал – майор, командующий 2-й Чехословацкой дивизией. Сыграл положительную роль в ликвидации СОД, приняв от А. Пепеляева арестованного за вмешательство в дела Сибири Глосса. Выдвигался на пост Главкома Сибирской армией 21 сентября 1918 г. во Владивостоке Гинсом и Вологодским после убеждения их в этом поручика Калашникова. С октября 1918 г. по январь 1919 г. во главе Екатеринбургской группы войск Сибирской армии (22 тысячи штыков и сабель). Являлся русофилом среди войск Чехословацкого корпуса. Во многом благодаря ему русские войска (Народная армия КОМУЧа и другие), бывшие под контролем чехов и словаков, перешли в ноябре 1918 г. на сторону Колчака. Сторонник диктатуры в борьбе против большевиков. Командующий Сибирской армии Колчака, генерал-лейтенант. Под его командованием взяты у большевиков в марте 1919 г. Оханск и Оса, достигнута связь с войсками Северной области, в апреле взяты Сарапул и Ижевск. Вступил в конфликт с начальником штаба Колчака – Лебедевым, выражая общее недовольство им в Сибири за провал весеннего наступления 1919 г. Во время наступления Красной армии в мае - июне 1919 г. в центре фронта продолжал свое собственное наступление на севере, взял Глазов, но вскоре был вынужден также начать отступление, вина в этом Лебедева и Ханжина. Его разжалования и отъезда из Сибири как авантюриста требовал военный министр Чехословакии Стефанек (Штефанек) еще в конце 1918 г., но под давлением окружения Колчака отказался от этого, предсказав гибель Белого дела на востоке России из-за Гайды. За интриги и неподчинение приказам отстранен от командования, отправился на Дальний Восток "в заграничный отпуск" в июле 1919 г. особым поездом, получив от Колчака 70 тысяч франков золотом. По одной версии, пытался вывезти на нем колоссальные ценности. Прибыв в августе 1919 г. во Владивосток, стал одним из лидеров антиколчаковского движения, организованного эсерами, вступив в контакт с Медведевым, Моравским, Якушевым, Краковецким, Болдыревым, Хорватом. С Жернаковым, Захаровым, Юдиным и другими лидерами эсеров контактировал через своего ординарца Молотковского. Контакты эти осуществлялись редко. Гайда 17 ноября 1919 г. предпринял неудачную попытку захвата власти во Владивостоке, захвачен войсками генерала Розанова, но отпущен в распоряжение

командования Чехословацкого корпуса под давлением "союзников". Во время переговоров об его освобождении Гайда был вынужден оставить в руках Розанова часть своих сподвижников, захваченных белогвардейцами. В декабре 1919 г. уехал в Чехословакию. В 1924 г. там вышли его мемуары. На золото, вывезенное из России, вместе с другими видными деятелями организовал Пражский Легиобанк. Готовил фашистский переворот, разоблачен, предан суду, разжалован. В период оккупации Чехословакии Германией – коллаборационист, чешский фашист. Арестован в июне 1945 г. СМЕРШем. Осужден за действия в 1918 – 1919 гг. на территории СССР, за поддержку войны Германии против СССР. По приговору суда повешен.

Филипп Исаевич Голощёкин (26 февраля 1876, Витебская губерния — 28 октября 1941, посёлок Барбош Куйбышевской области) — советский государственный и партийный деятель, секретарь Казахского крайкома РКП(б), один из активных организаторов коллективизации в Казахстане. Из семьи подрядчика. Окончив зубоврачебную школу, работал зубным техником. В 1903 вступил в РСДРП большевик. Вёл революционную работу в Петербурге, Кронштадте, Сестрорецке, Москве и др. городах. Участник Революции 1905—1907 годов. С 1906 член Петербургского комитета РСДРП, с 1907 ответственный организатор и член Петербургского исполнительного комитета РСДРП. С 1909 работал в Московском комитете РСДРП. В 1909 арестован и сослан в Нарымский край, в 1910 бежал. В 1912 на 6-й (Пражской) конференции РСДРП избран членом ЦК и его Русского бюро. В 1912 избран членом ЦК РСДРП. В 1913 вновь арестован и выслан в Туруханский край в Сибири и освобождён только после Февральской Революции. После Февральской революции 1917 года представитель ЦК в Петербургском комитете большевиков, делегат 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б). В мае Яков Свердлов, посылая Голощёкина на Урал, сообщал местным большевикам: «К вам на Урал поехал т. Филипп... Человек... очень энергичный, с правильной линией» («Ленинская гвардия Урала», Свердловск, 1967. с. 196). Член и секретарь Пермского комитета РСДРП(б), затем член и секретарь областного комитета Дел. 6-го съезда РСДРП(б) (2 июля — 3 августа). Был членом Пермского, затем Екатеринбургского Советов, членом исполкома Уральского области Совета. Формировал и возглавлял Красную Гвардию. В сер. окт. в качестве дел. 2-го Всерос. съезда Советов РСД прибыл в Петроград. Вошёл в Петрогр. ВРК, участвовал в Окт. вооруж. восст. На 2-м съезде Советов РСД избран чл. ВЦИК. Участвовал в переговорах ВЦИК с Викжелем. Голощёкин вспоминал, что перед его отъездом на Урал В. И. Ленин ориентировал на оттягивание созыва и последующий разгон Учредительного Собрания (см. «От Февраля к Октябрю», М., 1957, с. 112-14). По приезде в нояб. в Екатеринбург добивался ликвидации созданного здесь объединённого К-та Нар. Власти из представителей ряда соц. партий. Участвовал в ликвидации прежних

местных гос. структур. С дек. член Екатеринбург, к-та РСДРП(б).

Будучи с мая 1918 комиссаром Уральского военного округа принимал совместно с А. Г. Белобородовым решение о расстреле царской семьи.

С октября 1924 — по 1933 занимал должность первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. Организатор коллективизации в Казахстане в результате чего наступил голод [1]. Отличался садистской жестокостью, расстреливая за малейшие проявления недовольства [2]. Голощёкин остался в памяти казахов как самый жестокий и деспотичный правитель за всю историю Казахстана[3].

В 1933—1939 — Главный государственный арбитр СССР.

Арестован 15 октября 1939 по указанию Л. П. Берия и 28 октября 1941 расстрелян под Куйбышевым. Реабилитирован в 1961

Пепеляев Анатолий Николаевич [3(15).8.1891,

Томск - 14.1.1938],

Родился в офицерской семье. Окончил Омский кадетский корпус (1908 г.), Павловское военное училище в 1910 г. Участник I-й мировой войны. Прошел путь от поручика до полковника (1917 г.). Возглавив команду разведчиков, отличался удачными операциями при Прасныше, Сольдау и других операциях. Был отмечен телеграммой императора. В 1915 г., командуя разведчиками 11-й армии и сотней казаков во время отступления русской армии из Польши, разбил 2 батальона противника и вернул потерянные позиции, за что был награжден Георгиевским крестом. После Октябрьской революции 1917 г. вернулся в Сибирь, в Томск, где организовал офицерскую антибольшевистскую организацию. Возглавил успешное восстание против Советской власти в Томске 28 мая 1918 г. В чине подполковника, в начале июля 1918 г. наносит поражение красным войскам под Иркутском (командуя, в том числе и отрядом Красильникова), благодаря чему становится возможным поднять там восстание и захватить его. Командир отряда белых войск в Екатеринбургской группе с июня по август 1918 г, генерал-майор (этот чин получил от Временного Сибирского правительства за освобождение Сибири от большевиков). Выдвинулся благодаря личным качествам, умению "быть" с солдатами. Вместе в войсками Гайды продвигался от Томска до станции Оловянная, тесня большевиков. 7 августа 1918 г., вместе с Гайдой, разгромил крупный красный отряд на Прибайкальском фронте. Это событие было названо советскими историками "катастрофой под Посольской". Вернувшись в Томск, сформировал корпус и отправился на Пермский фронт. Единственный генерал, который не вводил в своих войсках погон и считался "эсерствующим". К партии эсеров не принадлежал, но сочувствовал ей, хотя в большей степени склонялся к сибирскому областничеству. С августа 1918 по июль 1919 г. — командующий с перерывами Среднесибирским корпусом в Сибирской армии. В августе 1918 г. едва не заменил по предложению Вологодского Гайду на посту командующего антибольшевистскими войсками Сибири и в это же время выступил посредником в

конфликте между Гайдой и Семеновым. Присутствовал на примирительных обедах между Гайдой и Семеновым, куда он ими специально приглашался для сглаживания противоречий. Для удовлетворения амбиций Семенова предложил ему командование V отдельным Приамурским корпусом, что было принято атаманом. Во многом Пепеляев обеспечил признание этим со стороны Семенова Временного Сибирского правительства. В декабре 1918 г. одержал выдающуюся победу, взяв силами своего корпуса Пермь, где были захвачены значительные трофеи. Неоднократно обращался к Колчаку с просьбой созвать в Сибири "Земский Собор". Во время болезни Колчака в декабре 1918 г. он рассматривался как возможный его преемник на посту Верховного Правителя, его поддерживал даже Жардецкий. В конце декабря 1918 г., в момент учреждения Ставки Верховного Главнокомандующего и реформирования Сибирской армии, в состав которой входил и его Средне-Сибирский корпус, он был отстранен от командования, и в течение нескольких месяцев о нем ничего не было известно. С июля 1919 г. – генерал-лейтенант. Командующий 1-й Сибирской армией Восточного фронта с июля по декабрь 1919 г. Участвовал в Тобольской наступательной операции. В сентябре – октябре 1919 г. части 1-й Сибирской армии Пепеляева занимали на Ялуторовском направлении район города Ишим, станции Гольшманово и Тюмень Омской железной дороги и оборонительные позиции почти до Тобольска. Его армия показала в это время относительно невысокие боевые качества, потребовалась дополнительная поддержка для них сил Войцеховского, чтобы сбить находившиеся против нее силы красных. В начале ноября 1919 г. силы Пепеляева были заменены корпусом Каппеля и вывезены в Среднюю Сибирь для реформирования и пополнения. В декабре 1919 г. А. Пепеляев едва не погиб при уничтожении партизанами его поезда путем подрыва. Армия Пепеляева была разгромлена при взятии красными 22 декабря 1919 г. Томска. Пользовался большой популярностью в Сибири, был близок к солдатам. После разгрома 1-й Сибирской армии и развала фронта он пытается отмежеваться от Колчака, одновременно выступая против большевиков. Готовил со своим братом, В. Пепеляевым, переворот против Колчака, но в последний момент отказался от этого. Был близок к эсерам и анархистам с декабря 1919 по 1921 гг. В начале 1920 г., будучи тифозным больным, привезен в чехословацком эшелоне в Читу. Формировал в марте 1920 г. из остатков своей 1-й Сибирской армии Особый Сибирский Партизанский Отряд. Вержбицкий в это время относился к нему враждебно, поэтому он эмигрировал в Харбин. Вместе с Войцеховским там вел яростную критику Семенова, в том числе со страниц официальной "Русской армии". Долгое время в 1920 г. болел. Зарабатывал на жизнь извозчиком. Вошел в контакт с правительством Дитерихса в июле 1922 г., приехал во Владивосток и приступил к формированию Сибирской добровольческой дружины. По приглашению лидеров Якутского восстания в сентябре 1922 г. прибыл с отрядом добровольцев из 700 человек – "Сибирской дружиной" в Якутию, в Аян, возглавил антисоветские силы Якутии. К этому времени основные силы повстанцев потерпели поражение. Попал в плен из-за измены части его людей 18 июня 1923 г. на побережье Охотского моря в Аяне. По морю доставлен на судне в Приморье. Во время его доставки туда случился на корабле пожар, во время которого Пепеляев участвовал в его тушении, причем конвой из красных был настолько перепуган, что судно некоторое время находилось вне его власти. В 1924 г. был осужден в Чите Ревтрибуналом 5-й Красной Армии и приговорен к расстрелу.

Александр Васильевич Колчак

Родился 4 (16) ноября 1874 в Санкт-Петербурге. В 1894 окончил Морской кадетский корпус, в 1900–1902 участвовал в полярной экспедиции Санкт-Петербургской Академии наук. Во время русско-японской войны 1904–1905 командовал эскадренным миноносцем, минным заградителем и батареей в осажденной крепости Порт-Артуре. После войны – деятельный участник группы морских офицеров, готовивших предложения по реформе российского морского флота. В 1914 принял на себя обязанности начальника оперативного отдела Балтийского флота, а в июле 1916 был назначен командующим Черноморским флотом в чине контр-адмирала. В июне 1917 был отозван в Петроград и командирован в США как специалист по минному делу. В конце 1917 вернулся на Дальний Восток. Направляясь в Добровольческую армию, задержался в Омске и 4 ноября 1918 был назначен министром обороны новообразованного Всероссийского временного правительства, объединившего Комуч и Сибирское правительство.

18 ноября 1918 в результате военного переворота в Омске была установлена диктатура, Колчак был провозглашен «верховным правителем Российского государства». В этом качестве он был признан правительствами стран Антанты и США, а 12 июня 1919 и генералом Деникиным. Главной его целью стала вооруженная борьба с большевиками. После разгрома Восточной белой армии Колчак 4 января 1920 передал свои полномочия Деникину. Войска чехословацкого легиона, которыми

командовал главный офицер союзных сил в Сибири французский генерал Жанен, передали Колчака временному эсеро-меньшевистскому «Политическому центру» в Иркутске в обмен на свободный проезд до Владивостока. Затем Колчак оказался в руках большевиков и был расстрелян по приговору военно-революционного комитета в Иркутске 7 февраля 1920 года. 10 июня 1917 года Колчак входит в вагон поезда Севастополь — Петроград. Конечно, ему неизвестно, что он отправляется в свое самое дальнее и последнее путешествие: Петроград — Лондон — Сан-Франциско — Токио — Сингапур — Пекин — Харбин — Владивосток — Омск — Иркутск...

Передав свои полномочия старшему из флагманов, Колчак уехал в Питер. Члены Временного правительства выслушали его доклад (больше походивший на политический прогноз) о катастрофическом развале флота и всех вооруженных сил, грозящем в скором будущем потерей государственности и большевистской диктатурой, с печальным пониманием, вяло пообещав обсудить эту проблему в кабинете министров. И были очень рады, когда американский сенатор Рут предложил оказавшемуся не у дел Колчаку приехать в США для участия в разработке операции по высадке десанта в Дарданеллах

В Иокогаме он узнает об октябрьском перевороте, ликвидации Ставки Верховного главнокомандующего, начатых большевиками переговорах с немцами о мире... Адмирал едет в Токио и вручает британскому послу просьбу о приеме в английскую действующую армию хоть рядовым. Посол советуется с Лондоном и отвечает просителю, что тот назначен в штаб Индийской армии, воюющей в Месопотамии. По дороге туда, в Сингапуре, Колчака настигает телеграмма одного из лордов британского правительства, что русский посланник в Китае князь Кудашев просит его прибыть в Пекин для встречи по неотложному делу.

Кудашев принимает адмирала как долгожданного гостя. Он журит его за мрачный взгляд на будущность России и рассказывает, что на юге страны уже открыта борьба против большевистского диктатора.

И Александр Васильевич сначала создает в Харбине вооруженные силы для защиты КВЖД, а в ноябре восемнадцатого года прибывает в Омск, где ему предлагают пост военного и морского министра в правительстве т. н. Директории.

Такая вот «марионетка»

СПУСТЯ две недели не питающие к социалистам симпатий офицеры совершают переворот и арестовывают левых членов Директории. Колчак, по его собственному признанию, не знал о заговоре, но ответил согласием на просьбу заговорщиков возглавить новое правительство, а затем принял предложенный ему титул Верховного правителя России.

Союзники не простили Колчаку его твердости и неуступчивости в отстаивании русских национальных интересов. Только с согласия Жанена чехословацкий корпус мог в самый отчаянный момент перекрыть железнодорожную магистраль Новониколаевск — Иркутск, единственную артерию, связывавшую тыл с фронтом. И в руки иркутского эсеровского Политцентра (место которого вскоре занял большевистский ревком) чехословацкий конвой передал сложившего с себя 6 января 1920 года все полномочия адмирала тоже не без их интриг.

Он был расстрелян в 4 часа утра 7 февраля 1920 года, на берегу притока Ангары реки Ушаковки. По приговору ревкома, но без суда.

Участь его решило архисекретное распоряжение Ленина: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти поступили так (убили адмирала. — А. П.) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске».

Он отказался завязать глаза повязкой и перед смертью подарил свой серебряный портсигар одному из бойцов расстрельной команды. февраля 19 20.

Памятники района, посвященные Гражданской войне на нашей территории.

Обелиск на месте последнего героического боя бронепоезда № 2.	1967 год	Паленый лог, около ж/дороги
Памятник на могиле бойцов экипажа бронепоезда № 2 погибших в последнем бою.	Август 1983	Паленый лог, в лесу
Памятник на месте гибели заставы В.П. Худеньких.	1957 год	У тоннеля
Обелиск, посвященный памяти бойцов Красной Армии и местных жителей: погибших летом и осенью 1918 года	1967 год	Село Кын, в центре села
Обелиск у братских могил местных жителей и красноармейцев-жертв белогвардейского террора	Май 1973 года	На тракте при въезде в село Кын
Обелиск у могилы жителей с.Кын и красноармейцев, расстрелянных белогвардейцами осенью 1918 года	1975 года	Село Кын, у клуба
Обелиск у могилы красноармейцев, погибших в первом бою на ст. Кын в августе 1918 года	1978 года	Станция Кын, у ж/д. путей
Обелиск, посвященный бойцам интернациональной бригады под командованием Бела Куна и Ференца Мюнниха, погибшим в бою за ст. Кын в августе 1918 года	1967 года	Станция Кын у клуба леспромхоза
Обелиск на месте гибели Кушвинского коммунистического отряда осенью 1918 года	1972 год	На 91 км. Около станции Кумыш
Обелиск у могилы моряков Кронштадского полка, расстрелянных гвардейцами в ноябре 1918 года	1967 год	На 66-ом километре ж/д. на участке Лысьва-Кын

Обелиск, посвященный бойцам интернациональной бригады под командованием Бела Куна и Ференца Мюниха, погибшим в бою за ст. Кын в августе 1918 года. (Станция Кын у клуба леспромхоза).

Обелиск у могилы красноармейцев, погибших в первом бою на ст. Кын в августе 1918 года. (Станция Кын, у ж/д. путей).